

ПРЕЖНИЕ ЖИЛЬЦЫ

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Прежние жильцы

<https://litres.ru/74652824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Риелтор Лев Карелин приезжает на обычный показ квартиры в закрытом посёлке — и обнаруживает за дверью семью, которая по всем документам уехала четыре года назад. Через час квартира пуста, клиентка отрицает встречу, а ключ ведёт уже не туда.

Посёлком управляет семья бывшей жены Льва. У неё есть деньги, охрана и убедительное объяснение каждому исчезнувшему следу. У Льва — провалы в памяти, единственный союзник и старая подпись под актом, с которого началось выселение. Чтобы доказать существование прежних жильцов, ему придётся первым обнародовать собственную ложь — а затем выбрать между идеальным доказательством и жизнью человека, который ему поверил.

«Прежние жильцы» — психологический триллер о власти удобной версии, цене запоздалой честности и дверях, которые обязан открыть тот, кто однажды предпочёл не заглядывать внутрь.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Показ в семь	5
Глава 2. Пустые комнаты	23
Глава 3. Семейные ворота	42
Глава 4. Ключ от сорок седьмой	61
Глава 5. Никто не записан	74
Глава 6. Отменённый клиент	98
Глава 7. Посёлок одной фамилии	114
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Даниил Орлов

Прежние жильцы

От автора

Дом обычно кажется самым надёжным доказательством человеческой жизни. На полке остаётся чашка, у двери — обувь, на подоконнике — земля от цветочного горшка. Но право жить в доме подтверждают не эти вещи, а записи, подписи и чужая готовность сказать: да, этот человек здесь был.

«Прежние жильцы» — роман о месте, где одна семья слишком долго решала, кому верить, кого обслуживать и чью память считать ошибкой. Его герой не безупречен. Когда-то он поставил удобную подпись и не открыл все двери. Теперь ему придётся разбираться не только с чужим давлением, но и с собственной привычкой принимать пустую комнату за доказательство отсутствия людей.

В этой истории память может ошибаться, цифровая запись — исчезнуть, а свидетель — испугаться. Поэтому важнее всего оказываются простые вещи: кто держал ключ, кто видел человека, кто подписал бумагу и кто готов отвечать за свой поступок, даже когда общая версия уже составлена без него.

Глава 1. Показ в семь

К воротам Бережного Лев приехал без семи минут семь и сразу понял, что опоздал.

Не по часам. Навигатор показывал шесть пятьдесят три, покупательница ещё не звонила, а охранник в стеклянной будке даже не поднял шлагбаум. Но над посёлком уже горели одинаковые жёлтые фонари, по мокрой дороге ползли листья, и в этом свете всё выглядело так, будто его ждали давно и успели подготовиться.

Лев остановил машину перед белой линией. Камера повернулась к номеру. Под ней на столбе висела свежая табличка: «Частная территория. Въезд по предварительной регистрации». Три года назад табличка была синей и обещала гостям безопасность. Слова сменили, смысл остался.

Он опустил стекло. В будке сидел незнакомый мужчина в серой форме. На столе перед ним стояла кружка с гербом управляющей компании — три чёрные сосны в круге. Такие кружки Ксения заказывала к первой годовщине посёлка. Лев сам выбрал дешёвую типографию, потому что нужный поставщик запросил вдвое дороже.

— Карелин Лев Андреевич, — сказал он. — Показ квартиры в четвёртом корпусе. Сорок седьмая.

Охранник посмотрел не на него, а на экран.

— В списке нет.

Лев достал телефон. В письме от отдела продаж значились адрес, время и фамилия ответственного: «Самостоятельный показ партнёром. Ключ получить в боксе 4Б». Ни подписи, ни имени менеджера, только квадратный знак компании. Письмо пришло в половине пятого, после того как Яна Руднева согласовала время.

— Заявку прислали сегодня. Посмотрите по номеру квартиры.

— Смотрю.

Охранник не прикоснулся к клавиатуре.

— Тогда позвоните дежурному менеджеру.

— Звоните.

Лев положил телефон на руль. Раньше он бы назвал фамилию начальника смены, напомнил номер внутреннего распорядка и через минуту проехал бы под поднятым шлагбаумом. Он знал, какая фраза заставляет каждого человека здесь сделать то, что требуется: одному надо было сказать «Ксения в курсе», другому — «Игорь Петрович уже подписал», третьему хватало молчаливого взгляда на часы. За три года привычка не исчезла. Исчезло право ею пользоваться.

Он набрал номер из письма. Женский голос сообщил, что абонент временно недоступен.

На экране всплыло сообщение от Яны: «Я на парковке у магазина. Куда ехать?»

Лев показал телефон охраннику.

— Покупатель уже здесь.

— На гостевой парковке можно стоять до двадцати минут.

— Нам нужно внутрь.

— В списке нет.

Лев почувствовал знакомое давление над правой бровью. Пока не боль, только предупреждение — будто под кожей медленно затягивали винт. Он не спал до трёх, проверяя документы по квартире, и утром обещал себе не пить вторую чашку кофе. Обещание продержалось до полудня.

— Как вас зовут? — спросил он.

Охранник перевёл взгляд на нагрудную карточку, словно сам забыл.

— Андрей.

— Андрей, я сейчас перешлю письмо на служебную почту. Вы отметите, что пропустили нас по документу партнёра. Если письмо ошибочное, ответственность моя.

— Адрес почты на стекле.

На стекле было четыре листа: номера аварийной службы, запрет доставки после десяти, правила выгула собак и объявление о проверке счётчиков. Почтового адреса Лев не увидел.

Охранник выдержал паузу и ткнул пальцем в маленькую наклейку возле лотка для пропусков. Лев перепечатал адрес, приложил письмо и отправил. Через несколько секунд в будке коротко звякнуло.

Андрей открыл сообщение. Лев заметил, как его лицо изменилось не от содержания письма, а от адреса отправите-

ля. Охранник снова посмотрел на экран, теперь уже щёлкнул мышью, затем поднял трубку внутреннего телефона.

— Четвёртый, сорок семь, — сказал он кому-то. — Карелин. Да. Письмо есть. Понял.

Он положил трубку.

— Ваш гость пешком пройдёт. Машину оставьте справа. Вам выдам разовый.

Из щели лотка выехала белая карточка без номера.

— А покупателю?

— Одному достаточно. Проход по сопровождению.

Шлагбаум поднялся.

Лев проехал на гостевую парковку и увидел Яну возле тёмно-синего универсала. Она стояла под козырьком магазина, прижав к груди папку, и смотрела на телефон. На фотографиях из переписки она казалась моложе. Вживую ей было около тридцати пяти; волосы собраны слишком туго, под глазами серые полукружья. Не инвестор и не охотница за срочной скидкой. Человек, который мысленно уже расставил мебель и теперь боится, что денег не хватит на кухню.

Лев вышел, взял зонт и направился к ней.

— Яна?

— Да. Здравствуйте. Я думала, вы внутри.

— Проверяли пропуск. Первый раз всегда дольше.

Он не стал говорить, что первый раз был девять лет назад и что половину домов здесь он продавал ещё по картинкам, когда на месте двора лежали бетонные кольца и ржавая ар-

матура.

— Муж не смог, — сказала Яна. — У них авария на складе. Если вам обязательно, чтобы оба...

— Не обязательно. Сегодня смотрим, решение вместе примете потом. Документы я пришлю обоим.

Она кивнула, но папку не опустила.

— Там точно никто не живёт?

Вопрос прозвучал до того, как Лев успел открыть зонт.

— Квартира свободна. В описании указано: готова к передаче.

— Просто цена ниже остальных. Обычно это или первый этаж, или жильцы, которых потом год выселяют.

— Третий этаж. Собственник — компания. Зарегистрированных нет, договоров найма нет. Я запросил выписку и основание права.

— Но ещё не получили?

— Выписку получил. Полный пакет будет до задатка.

Он говорил ровно и слышал в собственном голосе старую интонацию отдела продаж: не обещать лишнего, но расставить известные факты так, чтобы между ними не осталось места для тревоги. Яна наконец убрала папку в сумку.

Они пошли по центральной аллее. Дождь был мелким, почти неподвижным. За окнами первого корпуса люди ужинали, у подъезда женщина в длинном пуховике вытирала лапы рыжему спаниелю. В магазине за стеклом кассир переставляла банки на полке. Обычная жизнь, слишком хорошо освещенная.

щённая, чтобы казаться опасной.

— Здесь всё одной компании принадлежит? — спросила Яна.

— Дома в частной собственности. Управляющая компания одна.

— И магазин их?

— Помещение сдаётся связанному арендатору.

— Значит, их.

Лев улыбнулся.

— Если говорить не юридическим языком — да.

— А вы с ними давно работаете?

— Сейчас я независимый партнёр.

Это тоже было правдой. Его агентство получало объекты из общей выгрузки и платило комиссию платформе. Договор не запрещал ему продавать квартиры Черновых. Договор вообще ничего не говорил о том, что когда-то он сидел за одним столом с владельцами, ночевал в доме их дочери и мог открыть служебную дверь своим ключом.

У четвёртого корпуса стояла детская площадка. Качели двигались от ветра, цепи поскрипывали через равные промежутки. Лев задержал взгляд на крайнем окне третьего этажа. По плану квартира сорок семь выходила кухней во двор. Окно было тёмным. За стеклом угадывалась бежевая штора.

В карточке объекта штор не было.

Фотографии сделали после косметического ремонта: белые подоконники, пустые стены, дешёвый серый ламинат.

Лев просматривал их ночью и заметил даже маленький скол на плитке у мойки. Бежевую ткань он бы запомнил.

— Это она? — спросила Яна, проследив за его взглядом.

— По расположению — да.

— Вы говорили, пустая.

— Возможно, штора осталась после съёмки.

Он достал телефон и открыл карточку. Сеть внутри посёлка ловила плохо, изображение загрузилось полосами. На снимке кухни окно было голым.

— Хотите сначала позвонить? — спросила Яна.

— Кому?

— Тем, кто там.

— Если квартира свободна, звонить некому. Сейчас посмотрим.

Подъездная дверь открылась по белой карточке. Внутри пахло мокрой одеждой, капустой и свежей краской. На стене висело зеркало без единого пятна. Под ним стоял узкий столик с искусственной орхидеей. Раньше здесь лежала тетрадь консьержа, куда курьеры записывали номер квартиры и время. Теперь на её месте был чёрный экран домофона.

Лифт находился на пятом этаже. Лев нажал кнопку. За дверью шахты загудело.

— Можно пешком? — спросила Яна. — Я лифты не люблю.

— Конечно.

На первой площадке она остановилась у плана эвакуации.

— Сорок седьмая справа от лестницы?

— На третьем этаже, дальняя дверь. Окна на две стороны.

— Вы хорошо знаете дом.

— Работал с ним при сдаче.

— Независимым партнёром?

Она спросила без насмешки, и от этого Леву стало неприятнее.

— Тогда я был в компании застройщика.

— У тех же владельцев?

— Да.

Яна снова кивнула. Она складывала ответы, не споря, и Лев понял, что муж, оставшийся на складе, получит вечером точный пересказ каждой паузы.

На площадке третьего этажа горела только одна лампа из двух. Дальняя дверь отличалась от остальных: тёмное дерево, латунная ручка, над глазком выцветший след от овальной таблички. На коврике стояли мужские ботинки с налипшей глиной и женские резиновые полусапоги.

Яна не сказала ни слова.

Лев остановился за три шага до двери. Он проверил номер на стене. Сорок семь. Белые цифры приклеили немного криво; семёрка была выше четвёрки.

— Может, рабочие? — тихо сказала Яна.

— Рабочие не оставляют обувь снаружи.

— Вы же сказали, никто не живёт.

Лев открыл приложение партнёра. Карточка объекта бы-

ла на месте, статус — «свободна». Внизу мигала кнопка «начать показ». Он нажал её. Экран на секунду стал белым, потом появилось время: 19:04.

— Сейчас выясним.

Возле двери находился серый ящик для ключей. Лев ввёл четыре цифры из письма. Крышка отщёлкнулась. Внутри лежал один ключ с красной пластиковой биркой «47».

Яна смотрела на ботинки.

— Может, не надо открывать своим ключом?

— Сначала постучу.

Он постучал костяшками три раза. За дверью что-то звякнуло. Не шаги — скорее ложка о край чашки. Потом послышался тихий мужской голос, слов было не разобрать.

Лев постучал снова.

— Добрый вечер. Показ квартиры. Представитель собственника.

Замок щёлкнул почти сразу. Дверь открылась на длину цепочки.

В щели показалось лицо пожилого мужчины. Седые волосы были зачёсаны назад и ещё влажны, словно он недавно умылся. На нём была клетчатая рубашка, застёгнутая до горла.

— Какого собственника? — спросил он.

Лев убрал ключ в ладонь.

— Компания «Чернов Дом». У нас согласован показ на семь.

Мужчина посмотрел через его плечо на Яну.

— Опять покупатели.

Из глубины квартиры женский голос произнёс:

— Серёжа, не стой на сквозняке.

Мужчина закрыл дверь. Цепочка заскрежетала, затем дверь открылась полностью.

— Заходите, раз пришли, — сказал он. — На лестнице всё равно не поймёте.

Яна повернулась к Льву.

— Вы знали?

— Нет.

— Тогда я внутрь не пойду.

— Правильно, — сказал мужчина. — Покупать тоже не надо.

Из квартиры тянуло варёной картошкой, лекарственной мазью и горячим металлом. В прихожей висели куртки, на полке лежали перчатки и квитанции, под батареей сохли две тряпки. На стене остались светлые прямоугольники там, где раньше висели фотографии. Это не было жильём рабочих или случайных людей, заночевавших в пустом объекте. Так выглядела квартира, из которой выносили жизнь частями, но ещё не вынесли всю.

Лев достал телефон.

— Назовите, пожалуйста, ваше имя.

— Уберите, — сказал мужчина.

— Мне нужно зафиксировать, что объект занят. Я не сни-

маю вас, только запишу разговор.

— Вы уже фиксировали.

Лев опустил телефон.

— Мы знакомы?

Мужчина не ответил. Он отступил в сторону, пропуская их, будто вопрос был задан не ему.

Яна осталась на площадке.

— Я подожду внизу, — сказала она. — Нет, вообще не буду ждать. Пришлите другой вариант.

— Яна, одну минуту. Я выясню статус и спущусь.

— Выясняйте без меня.

Она пошла к лестнице быстро, но не побежала. Каблуки четыре раза ударили по ступеням, затем звук стал глуше.

Лев мог догнать её, извиниться, предложить квартиру в соседнем районе и сохранить клиента. Так поступил бы любой нормальный риелтор. Занятый объект следовало закрыть, письмо переслать юристу, ключ вернуть в ящик. У него не было ни полномочий, ни желания разбираться с людьми, которых компания почему-то забыла выселить до показа.

Но мужчина сказал: «Вы уже фиксировали».

— Пять минут, — произнёс Лев и вошёл.

Мужчина закрыл дверь, не надевая цепочку.

— Сергей Павлович Белов, — сказал он. — Чтобы вы не спрашивали второй раз.

На кухне за столом сидела женщина. Она была маленькая,

с прямой спиной и короткими седыми волосами. Перед ней стояли три чашки, хотя за столом находились только двое. В одной плавала долька лимона, в другой темнела заварка, третья была пустой. Чайник на плите дрожал крышкой.

— Нина Алексеевна, — представилась она. — Садитесь, Лев Андреевич.

Он не сел.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Вы же представились на лестнице.

Он сказал «представитель собственника». Имя называл охраннику у ворот и Яне возле магазина, но не у двери.

Сергей прошёл к окну и отдёрнул бежевую штору. Во дворе качели продолжали двигаться. Яны уже не было видно.

— На карточке квартира свободна, — сказал Лев. — У компании зарегистрировано право собственности. Если между вами спор, показ всё равно не должен был состояться. Кто прислал вам сведения о нём?

— Никто, — ответила Нина. — Мы здесь живём.

— Постоянно?

— Когда дают.

— Что значит «когда дают»?

Сергей повернулся от окна.

— Сегодня здесь. Завтра в комнате у котельной. Потом у медпункта. Так и значит.

Лев посмотрел на плиту. Газ горел ровным синим кругом. Рядом на разделочной доске лежали половина луковицы и

нож. На холодильнике магнитом была прижата записка: «Нина — 8:00, после еды». Ниже стояли две упаковки таблеток.

— Вы можете показать паспорт? — спросил он.

Нина усмехнулась.

— А вы — свой?

Лев вынул бумажник и положил раскрытое удостоверение риелтора на край стола. Документ выдала городская ассоциация, юридической силы почти никакой, но фотография, имя и номер были настоящими.

Сергей не подошёл.

— Это вы теперь независимый?

— Три года.

— Поздно отделились.

— Мы встречались раньше?

Сергей посмотрел на Нину. Та взяла чашку обеими руками, но не отпила.

— Он не помнит, — сказала она.

В коридоре скрипнула половица.

Лев резко обернулся. В дверях стояла молодая женщина в чёрной толстовке и тёмных брюках. Волосы были убраны под капюшон, на левой щеке тянулась тонкая белая царапина. Она держала его зонт.

Лев машинально посмотрел на свою руку. У входа он поставил зонт в медный таз, не заметив этого. Женщина положила его на пол.

— Покупательница ушла, — сказала она. — Охранник

уже знает, что вы внутри.

— Кто вы?

— Дарья Белова. Их племянница.

— Вы устроили показ?

Дарья ничего не ответила.

— В письме был ключ и код, — продолжил Лев. — Кто-то получил доступ к партнёрской системе. Если это вы, скажите сейчас. Я вызову полицию и зафиксирую, что квартира занята. Дальше будете объяснять спор официально.

— Полиция приедет к воротам, поговорит с Ксенией и спросит, принимали ли вы сегодня таблетку.

Лев почувствовал, как давление над бровью стало острее.

— При чём здесь Ксения?

— Вы правда не понимаете, где находитесь?

— Я понимаю, что вы незаконно проникли в квартиру, которая вам не принадлежит.

Сергей коротко рассмеялся.

— Вот теперь узнаю.

Лев взял телефон и включил камеру. На экране появилась кухня: Нина за столом, Сергей у окна, Дарья в дверях. Изображение дрогнуло, навело резкость. Он нажал запись.

— Сегодня, семнадцатого октября, девятнадцать часов двенадцать минут. Квартира сорок семь, четвёртый корпус посёлка Бережный. В помещении находятся трое людей, назвавшихся Сергеем Павловичем Беловым, Ниной Алексеевной Беловой и Дарьей Беловой.

Дарья шагнула к нему.

— Не отправляйте через местную сеть.

— Отойдите.

— Выключите передачу данных.

— Я сказал, отойдите.

Она остановилась. Лев провёл камерой по столу, чайнику, лекарствам, записке на холодильнике. Снял окно и двор, затем дверь кухни. На экране мигнул значок слабого соединения. Рядом появилось сообщение: «Резервное копирование приостановлено».

— У меня запись в памяти телефона, — сказал он. — Теперь документы. Любые: паспорта, старый договор, судебные бумаги.

Нина поставила чашку.

— Даша, дай папку.

Дарья не двинулась.

— Ему нельзя, — сказала она.

— Другого привела?

— Другого бы не пустили.

— А этого пустили, — произнёс Сергей. — Значит, либо ничего не изменилось, либо они хотят посмотреть, что он сделает.

Лев выключил камеру.

— Хватит говорить обо мне так, будто меня нет. Вы отправили письмо?

— Письмо настоящее, — сказала Дарья. — Квартира дей-

ствительно выставлена. Яна действительно оставила запрос. Код действительно был в системе.

— Откуда вы знаете имя покупательницы?

— Потому что я попросила её выбрать вас.

Лев вспомнил первую переписку. Яна написала не на общий номер агентства, а ему лично. Сослалась на рекомендацию коллеги мужа, имени не назвала. Такие обращения приходили раз в неделю, и он не проверял каждое.

— Она с вами заодно?

— Она согласилась прийти на обычный показ. Больше ничего не знает.

— Тогда вы подставили её.

— Да.

Ответ был таким прямым, что Лев на секунду замолчал.

— И меня.

— Вас подставили четыре года назад. Или вы сами согласились — мы не знаем.

Нина тихо сказала:

— Знаем.

Дарья сняла капюшон. Её волосы оказались короткими, неровно подстриженными.

— В семь двадцать сюда придут, — сказала она. — Если вы хотите вызвать полицию, звоните сейчас. Только сначала отправьте запись не в облако компании и не через местный беспроводной интернет.

Лев посмотрел на часы. Девятнадцать шестнадцать.

— Кто придёт?

— Люди, которые покажут вам пустую квартиру.

— Я уже снял вас.

— Тогда проверьте запись.

Он открыл галерею. Последний файл был на месте: чёрный прямоугольник, длительность две минуты сорок одна секунда. Лев нажал воспроизведение. Первые три секунды показали кухню. Затем изображение рассыпалось на серые квадраты, звук превратился в длинный металлический треск. Полоса времени двигалась, но лица больше не появлялись.

— Что вы сделали?

— Ничего, — ответила Дарья. — Поэтому я просила отключить передачу.

— Повреждение файла не происходит от сети.

— Обычно не происходит.

Лев включил камеру снова. Изображение было чистым. Он снял десять секунд, остановил, проверил. Запись воспроизводилась.

С лестничной площадки донёсся глухой удар. Потом второй — будто кто-то поставил на пол тяжёлый ящик.

Сергей взял со стула пиджак.

— Пора.

Нина поднялась. Её правая рука дрожала, и она придерживала её левой. Дарья достала из-под мойки серую сумку и положила внутрь лекарства с холодильника.

— Куда вы собираетесь? — спросил Лев.

— Не с вами, — сказал Сергей.

— Оставайтесь до полиции. Я позвоню с обычного номера, вызову наряд из города.

— И что скажете? — спросила Дарья. — Что нашли людей в квартире, которую когда-то освободили своей подписью?

Лев держал телефон перед собой, но камера смотрела в пол.

— Я никогда вас не выселял.

— Вы подписали акт.

— Какой акт?

Снаружи звякнул металл. Кто-то вставил ключ в замок.

Дарья подошла так близко, что Лев увидел на её щеке не царапину, а след от старого пореза.

— Тот самый, Лев Андреевич, — прошептала она. — В котором написано, что квартира осмотрена полностью, вещей нет и прежние жильцы выехали добровольно. Под ним ваша подпись. После неё нас стало можно не видеть.

Глава 2. Пустые комнаты

Ключ повернулся в замке, но дверь не открылась: Сергей успел накинуть цепочку.

Снаружи нажали на ручку, подождали и постучали — не требовательно, а почти вежливо.

— Техническая служба, — произнёс мужчина за дверью.
— Плановая обработка.

Нина выключила газ. Чайник сразу перестал дрожать, и тишина в кухне стала такой плотной, что Лев слышал слабый гул холодильника.

— Какая обработка? — крикнул он.

За дверью помолчали.

— Лев Андреевич, откройте, пожалуйста. В помещении находиться нельзя.

Его имя произнесли спокойно, без вопроса. Лев поднял телефон и включил запись. Камера показывала край стола, серую сумку в руках Дарьи и Сергея, застёгивающего пиджак.

— Представьтесь, — сказал Лев. — Назовите организацию и основание для входа.

— Управляющая компания. Плановая обработка по заявке собственника.

— В жилой квартире?

— Помещение числится свободным.

Дарья взяла Нину под локоть и повела в коридор. Лев преградил ей дорогу.

— Куда вы?

— Туда, где нас не будут искать при вас.

— Останетесь здесь — будет свидетель и запись.

— Ваша запись уже очень помогла.

Она сказала это без злости. Оттолкнула его руку и открыла дверцу встроенного шкафа. За висящими пальто оказалась не задняя стенка, а узкая серая дверь. Ручка была утоплена в металл и покрашена несколько раз. Сергей отодвинул обувную полку, освобождая проход.

Лев шагнул ближе.

— Это куда?

— Раньше был коридор для труб, — ответил Сергей. — Теперь для прежних жильцов.

Снаружи снова постучали.

— До вскрытия одна минута.

— На каком основании? — спросил Лев.

— Аварийные работы.

— Минуту назад была обработка.

Ответа не последовало.

Дарья открыла серую дверь. За ней тянулся проход шириной в одно плечо, освещённый слабой лампой. Стены были из голого кирпича, у пола шли трубы в серой изоляции. Пахло пылью и сырой штукатуркой.

Нина остановилась на пороге и посмотрела на Льва.

— Возьмите чашку, — сказала она.

— Что?

— Любую. Потом вам скажут, что стола не было.

Лев потянулся к ближайшей чашке, но Дарья перехватила его запястье.

— Не в карман. Увидят на выходе.

Она оторвала от Нининого кардигана маленькую тёмную пуговицу. Нина не возмутилась, словно они договорились заранее. Дарья вложила пуговицу Льву в ладонь и сомкнула его пальцы.

— На ней две царапины крестом. Вы сами сейчас видите.

— Пуговица ничего не доказывает.

— Тогда запомните чашки.

Снаружи в замок вставили другой ключ. Механизм хрустнул, цепочка натянулась.

Сергей вошёл в проход первым. Нина за ним. Дарья задержалась.

— Не идите следом, — сказала она. — Они закроют вас вместе с нами, и тогда вы никому ничего не покажете.

— Кто они?

— Вы с ними работали.

Она протиснулась в серую дверь и потянула её на себя. Лев сунул носок ботинка в щель.

— Где вас искать?

— Ищите не нас. Ищите свой акт.

Она нажала сильнее. Лев убрал ногу, дверь закрылась, и

шкаф снова стал обычным шкафом с пальто.

Входная цепочка лопнула. Один винт вырвало из косяка, металлическая планка ударила по стене.

В квартиру вошли двое мужчин. На первом был синий рабочий комбинезон без знаков, на втором — чёрная куртка охраны. Рабочий держал аккумуляторный шуруповёрт, охранник — прозрачную папку и связку ключей. Лев узнал второго: Валерий Ковтун когда-то отвечал за ночные смены на стройке. Тогда он был худее и носил усы. Теперь лицо округлилось, усы исчезли, но привычка наклонять голову перед разговором осталась.

— Лев Андреевич, — сказал Ковтун. — Не ожидал.

— А имя моё откуда знаете?

— Вас на воротах зарегистрировали.

Лев направил на него камеру.

— Представьтесь для записи.

— Служба безопасности посёлка. Ковтун Валерий Михайлович.

— Почему вы вскрыли дверь?

— Получили сигнал о незаконном проникновении.

— Вы сказали «плановая обработка».

— Не я сказал.

Рабочий прошёл мимо них на кухню, будто квартира действительно была пустой и Лев стоял в общем коридоре. Он выключил холодильник из розетки, затем открыл окно.

— Ничего не трогайте, — потребовал Лев. — Здесь нахо-

дились трое жильцов.

Ковтун посмотрел в кухню.

— Где?

— Ушли через технический проход.

— Какой проход?

Лев открыл шкаф. Пальто висели на месте, за ними серела металлическая дверь.

— Эта.

Он потянул за утопленную ручку. Дверь не поддавалась.

— С другой стороны закрыли, — сказал Ковтун.

— Значит, вы видите, что она существует.

— Вижу ревизионный люк.

— Люк ростом с человека?

— Дом старый, его перестраивали.

Рабочий вернулся с кухни и снял с вешалки куртки. Складывал их в большой белый мешок, который достал из кармана комбинезона.

— Прекратите, — сказал Лев.

Тот не посмотрел на него.

— Валерий, вызовите полицию, — продолжил Лев. — Я сам сообщаю о незаконном проживании и возможном удержании людей. До приезда ничего не меняем.

— Вызывайте, если считаете нужным. Только сначала покиньте помещение.

— У меня согласованный показ и ключ.

— Показ отменён.

— Кем?

Ковтун раскрыл прозрачную папку. Внутри лежал лист с печатью управляющей компании: «Акт временного закрытия помещения в связи с санитарной обработкой». Дата была сегодняшняя, время начала — девятнадцать ноль-ноль.

— Покажите ближе.

— Получите копию у собственника.

— Я сниму.

Ковтун закрыл папку.

— На документах персональные данные.

— Чьи? Пустой квартиры?

На лице охранника появилось выражение усталого терпения. Лев помнил его именно таким: Ковтун умел смотреть на возмущённого человека так, словно тот мешал закончить простую полезную работу.

— Вашу запись никто не запрещает, — сказал он. — Но находиться здесь небезопасно. Обработка должна была начаться двадцать минут назад. Из-за вас задержка.

— Чем обрабатываете?

Рабочий поставил у стены серую канистру. Этикетка была повёрнута внутрь.

— Средство сертифицировано.

— Название.

— Всё будет в акте.

Лев перевёл камеру на стол. Три чашки ещё стояли на месте. Чайник был снят с плиты. На спинке стула висел Нинин

кардиган без пуговицы. Он снял общий план медленно, стараясь не дёргать рукой.

— Я вызову полицию с лестницы, — сказал он. — И вернусь вместе с сотрудниками.

Ковтун отступил, освобождая выход.

— Разумно.

Лев не двинулся. Его насторожило, как легко согласились. За дверью стояла тележка с четырьмя пустыми пластиковыми ящиками. На площадке лежал свёрнутый ковёр. Значит, мужчины пришли не распылять средство. Они пришли унести вещи.

— Это имущество жильцов, — сказал Лев, снимая тележку.

— Какое имущество каких жильцов?

— Вещи в квартире.

— Имущество собственника готовят к хранению.

— Вы пять минут назад получили сигнал о проникновении. Как тележка оказалась здесь раньше?

Ковтун посмотрел прямо в камеру.

— Лев Андреевич, вы много лет продавали наши квартиры. Вы знаете, что уборка свободных объектов идёт по графику. Не делайте вид, будто обычная подготовка стала для вас тайной.

Слово «наших» прозвучало естественно. Не «компании», не «собственника». Посёлок, квартира и график принадлежали одному «мы», в которое когда-то входил и Лев.

Он вышел на площадку, не прекращая запись. Ковтун закрыл дверь перед ним. Замок щёлкнул. Изнутри сразу слышался скрип тележки.

Лев набрал городской номер полиции. Связь оборвалась после первого гудка. Индикатор показывал одну полосу. Он спустился этажом ниже, подошёл к окну. Телефон поймал две полосы.

Дежурный ответил, когда Лев уже повторно поднимался к третьему этажу.

— В квартире находятся люди, которых сейчас выводят через технические помещения, — сказал он. — Адрес: посёлок Бережный, четвёртый корпус, квартира сорок семь. Представители управляющей компании вскрыли дверь и выносят вещи.

— Угроза жизни есть?

Лев остановился между этажами.

— Я не знаю. Пожилая женщина принимает лекарства. Они ушли через служебный проход до прихода охраны.

— Добровольно ушли?

— При мне — да. Но сказали, что их переселяют против воли.

— Их удерживали в помещении?

— Я этого не видел.

— Документы на квартиру у вас есть?

— Собственник — компания. Проживающие утверждают, что их выселили незаконно.

— Заявителем будете вы?

Лев посмотрел на дверь сорок седьмой квартиры. Ковтун стоял в глазке с другой стороны или уже снимал шторы. Ответ «да» должен был превратить странный показ в официальное событие. Именно этого Дарья вроде бы хотела. Но она устроила встречу обманом и знала о его старой подписи. Он ещё не понимал, во что его вписали.

— Да, — сказал Лев. — Карелин Лев Андреевич. Остаюсь на месте.

Дежурный записал номер телефона и сообщил, что обращение передано ближайшему наряду.

Лев закончил разговор. Запись камеры всё это время шла. Он остановил её и сразу включил воспроизведение. На этот раз изображение сохранилось: Ковтун, рабочий, три чашки, тележка. Звук был чистым.

Он отключил мобильную передачу данных, как требовала Дарья, и поставил телефон в режим полёта. Затем вернулся к двери и постучал.

— Полиция вызвана. До её приезда выносить вещи нельзя.

Ковтун ответил не сразу.

— Принято.

Через минуту Лев слышал, как внутри открылась серая дверь. Потом что-то тяжёлое протащили по полу.

Он дёрнул ручку. Заперто.

— Валерий!

Никто не отозвался.

Лев спустился к подъездной двери. Если Беловы вышли через технический проход, они могли появиться с другой стороны корпуса. Дом был прямоугольным, с двумя подъездами и глухим торцом, за которым стояли мусорные контейнеры. Он обошёл здание справа.

Дождь усилился. Фонари отражались в асфальте длинными жёлтыми полосами. За торцом никого не было. Дверь технического подвала оказалась закрыта навесным замком, покрытым старой ржавчиной. Рядом тянулись следы узких колёс, но дождь уже размывал их.

Лев достал из кармана Нинину пуговицу. Тёмно-коричневая, четыре отверстия, две царапины пересекались возле края. Он положил её во внутренний карман куртки, отдельно от ключей.

Телефон в режиме полёта показывал девятнадцать тридцать восемь. Он выключил режим. Сразу пришли три уведомления. Первое — пропущенный вызов от Яны. Второе — сообщение от неизвестного номера: «Не возвращайтесь в квартиру без свидетелей». Третье — уведомление приложения партнёра: «Показ отменён клиентом в 16:08».

Лев открыл карточку. Время начала показа исчезло. Кнопка снова была серой. В истории стояла одна запись: отмена в четыре часа восемь минут.

Он сделал снимок экрана. Потом набрал Яну.

Она не ответила.

На парковке её машины не было. Охранник Андрей разговаривал по внутреннему телефону и отвернулся, когда увидел Льва. Шлагбаум выпустил синий универсал; за рулём сидел мужчина в рабочей куртке, пассажирское место было пустым.

— Когда приедет наряд? — спросил Лев через открытое окно будки.

Андрей прикрыл трубку ладонью.

— Какой наряд?

— Полиция. Я вызвал к четвёртому корпусу.

— На территорию без согласования не пропущу.

— Вы обязаны пропустить полицию.

— Пропущу, когда приедут. Мне никто не звонил.

— Я останусь здесь и встречу.

— Гостевая парковка до двадцати минут.

— Выпишите штраф.

Лев вернулся в машину. Давление над бровью перешло в ровную боль. В бардачке лежали таблетки, но он не стал брать. Вместо этого достал блокнот с логотипом своего агентства и записал время по памяти.

18:53 — ворота.

19:04 — начал показ в приложении.

19:05 — дверь открыл Сергей Белов.

19:12 — видео на кухне.

19:20 — вошли Ковтун и рабочий.

19:31 — звонок в полицию.

Он остановился. Время входа Ковтуна он не проверял. Девятнадцать двадцать подсказала Дарья: «В семь двадцать сюда придут». Возможно, они появились раньше или позже. Лев зачеркнул последнюю цифру одной чертой и написал: «около 19:20». Раньше он исправил бы запись аккуратно, чтобы блокнот выглядел убедительнее. Теперь оставил ошибку видимой.

В семь пятьдесят две позвонил участковый. Сказал, что стоит у северных ворот. Лев обернулся к будке. Андрей по-прежнему говорил по телефону.

— Я у центрального въезда, — ответил Лев. — Здесь один въезд для гостей.

— Навигатор привёл к северному. Охрана говорит, заявитель уехал.

— Я сижу перед центральным шлагбаумом в серой машине. Назовите охране мою фамилию.

— Сейчас подъедем.

Ещё через двенадцать минут белая машина с синей полосой остановилась за Львом. Из неё вышли участковый и молодая женщина в форме. Андрей поднял шлагбаум без разговора.

Ковтун встретил их у четвёртого корпуса. На нём уже не было чёрной куртки — поверх рубашки он надел жилет с эмблемой управляющей компании. Рабочий исчез вместе с тележкой.

— Заявление о людях в свободной квартире, — сказал

участковый. — Кто представитель собственника?

— Я сопровождаю, — ответил Ковтун.

— Я заявитель, — сказал Лев. — Прошу сначала зафиксировать состояние двери и технического прохода. Внутри убирали вещи после моего звонка.

Женщина в форме записала что-то в планшет.

— Вы видели, как вещи вынесли?

— Видел, как их складывали в мешок. Слышал тележку. У двери были ящики.

— У вас есть видео?

— Да.

Лев открыл галерею. Второй файл воспроизвёлся. На маленьком экране Ковтун говорил об обработке, рабочий складывал куртки, на столе стояли чашки. Участковый посмотрел первые полминуты.

— Людей здесь не видно.

— Они ушли за минуту до входа охраны. На первом файле есть.

Он открыл повреждённую запись. Три секунды кухни, серые квадраты, треск.

— Телефон неисправен? — спросила женщина.

— Нет. Следующая запись целая.

Ковтун не заглядывал в экран.

— Пройдёмте, — сказал он.

На третьем этаже дверь квартиры выглядела иначе. Латунную ручку заменили простой стальной. На косяке не бы-

ло вырванного винта от цепочки — отверстия закрывала узкая белая планка. Ковтун открыл дверь ключом.

В прихожей пахло хлором и свежей краской. Не осталось ни курток, ни обувной полки, ни квитанций. Медный таз для зонта исчез. Голые лампы заливали белым светом серый ламинат.

Лев вошёл первым.

— Здесь были вещи.

— На видео были, — согласилась женщина в форме.

— Значит, их вынесли.

Ковтун показал папку.

— Имущество собственника убрали перед обработкой. Составлен акт.

— Вы называли его имуществом собственника уже тогда. Но среди вещей были лекарства с фамилией Нины Беловой.

— На вашем видео это видно?

Лев промолчал. Он снимал холодильник в первом файле. Во втором камера прошла по кухне слишком быстро, упаковки уже убрали.

Они вошли в кухню. Стола не было. На его месте лежал прямоугольник серой пыли, но и он выглядел странно: ровная поверхность, без следов ножек. Лев присел. Пыль покрывала ламинат сплошным слоем, словно стол не стоял здесь годами.

— Час назад здесь кипел чайник, — сказал он.

Участковый потрогал плиту. Она была холодной.

— Окно было открыто при обработке, — объяснил Ковтун.

— Газовая конфорка не остывает до комнатной температуры за сорок минут.

— Вы эксперт?

— Я дотронулся до ручки, когда Нина выключила газ. Она была горячей.

Женщина в форме посмотрела на плиту, затем на Льва.

— Кто такая Нина?

— Нина Алексеевна Белова, шестьдесят с небольшим. Здесь были её муж Сергей Павлович и племянница Дарья.

— Документы видели?

— Не успел.

— Они сами назвались?

— Да.

— Куда ушли?

Лев повёл их в прихожую и открыл шкаф. Пустые плечики звякнули. За ними была ровная фанерная стенка, окрашенная белой эмалью.

Он отодвинул плечики и провёл ладонью по поверхности.

— Здесь была металлическая дверь.

— На вашем видео есть? — спросил участковый.

— Нет. Я снимал кухню.

— Тогда откуда вы знаете?

— Они вышли через неё при мне.

Ковтун постучал по фанере. Звук был глухим.

— За стеной вентиляционная шахта.

Лев нашёл край листа у пола. Эмаль ещё липла. На подушечке пальца остался белый след.

— Это покрасили только что.

Женщина наклонилась и тоже коснулась края в перчатке.

— Влажное, — сказала она.

— После санитарной обработки восстановили защитную панель, — ответил Ковтун. — Рабочие сняли её для осмотра труб.

— Значит, проход есть.

— Техническая полость. Для жильцов не предназначена.

Лев посмотрел на участкового.

— Войдите туда. За панелью коридор. Трое людей ушли по нему меньше часа назад.

Участковый вздохнул.

— Без аварии ломать стену собственника не будем. Оформим объяснения, запросим сведения о Беловых и акт работ. Если есть основания полагать, что людей удерживают, изложите конкретно.

— Их постоянно перемещают между служебными помещениями. Нина нуждается в лекарствах. Они боятся управляющей компании.

— Вы видели удержание?

— Я видел, как они ушли, потому что к ним пришли люди с ключом и заранее приготовленной тележкой.

— То есть дверь им не перекрывали?

— Нет.

— Угрозы слышали?

— Нет.

Каждый правдивый ответ делал происходящее менее опасным. Трое взрослых сами ушли из чужой квартиры через технический проход. Охрана убрала вещи собственника перед обработкой. Панель поставили на место. Всё можно было объяснить отдельно, если не спрашивать, зачем отдельные действия сложились в одну минуту.

Лев достал пуговицу.

— Нина отдала мне это перед уходом.

Участковый посмотрел на его ладонь.

— Пуговицу?

— Она была на её кардигане. Две царапины крестом.

— Сами оторвали?

— Дарья оторвала при мне.

— На видео есть?

— Нет.

Ковтун отвернулся, но Лев увидел, как на его щеке дрогнула мышца.

Женщина в форме попросила положить пуговицу на чистый лист, сфотографировала и записала описание. Потом вернула её Льву, объяснив, что без заявления владельца и подтверждения происхождения изымать предмет не будут.

Они осмотрели остальные комнаты. Пустая спальня, пустая гостиная, пустая ванная. Везде ровный слой пыли, толь-

ко на кухне воздух ещё хранил слабый запах лука под хлором. Лев нашёл возле батареи влажную полоску, где сушились тряпки. На подоконнике остался круг от цветочного горшка. Он показывал каждую мелочь, и каждую можно было объяснить уборкой.

Внизу участковый записал его объяснение на двух листах. Ковтун приложил акт санитарной обработки и копию заявки собственника. Время заявки — пятнадцать сорок. Лев попросил отметить тележку, три чашки, одежду, лекарства и влажную краску. Женщина добавила всё в приложение к осмотру.

— Сведения о Беловых проверим, — сказал участковый.
— Не пытайтесь сами проходить в технические помещения.

— Когда будет номер материала?

— Завтра позвоните в дежурную часть.

Полицейская машина уехала в двадцать один сорок. Ковтун остался возле подъезда.

— Зря вы так, Лев Андреевич, — сказал он.

— Как?

— Не разобрались, а людей подняли.

— Каких людей? Вы же говорите, никого не было.

Ковтун опустил голову привычным движением.

— Я про полицию.

Лев пошёл к воротам. Он не хотел давать Ковтуну последнюю фразу. Телефон завибрировал в кармане. Звонила Яна.

— Извините за вечер, — начал Лев. — Я подберу вам дру-

гой объект и пришло письменное объяснение по этому.

На линии было тихо. Потом Яна спросила:

— Какой вечер?

Лев остановился под фонарём.

— Сегодняшний показ в Бережном.

— Мы же его отменили.

— Вы приехали к семи. Оставили машину у магазина.

Поднялись со мной на третий этаж.

— Лев Андреевич, я в четыре написала вашему помощнику, что мы передумали. Я весь вечер дома.

— У меня ваше сообщение с парковки.

— Я ничего не отправляла.

Он открыл переписку. Фраза «Я на парковке у магазина. Куда ехать?» оставалась на экране. Под ней не было ни значка доставки, ни времени. Вместо них стояла серая надпись: «Черновик».

— Яна, вы сейчас одна?

— Не звоните мне больше.

— Вам кто-то угрожал?

Она отключилась.

Лев остался посреди мокрой аллеи. В окне третьего этажа не было бежевой шторы. За чистым стеклом горел белый свет, и пустая кухня была видна до самой дальней стены.

Глава 3. Семейные ворота

У центрального въезда шлагбаум не поднялся.

Лев подал машину вперёд, до белой линии, и приложил гостевую карточку к серому считывателю. Тот коротко пискнул, но стрела осталась поперёк дороги. За ней тянулся мокрый асфальт, пустой до поворота на шоссе. До свободы было двадцать метров и одна лёгкая алюминиевая труба.

В будке Андрей сидел боком к окну и смотрел в монитор. Лев опустил стекло.

— Откройте, пожалуйста.

Охранник поднял палец: подождите. В его ухе темнела гарнитура. Он что-то выслушал, ответил тихо и только потом повернулся.

— У вас карточка закрыта.

— Вы сами выдали её два часа назад.

— Выезд надо подтвердить.

— Кому?

Андрей посмотрел не на Льва, а на дорогу за его машиной.

Слева от будки загорелись фары. Чёрный внедорожник выехал с аллеи, остановился под навесом и перекрыл вторую полосу. Дворники сделали два движения по сухому стеклу и замерли. Из водительской двери вышла Ксения.

На ней было длинное светлое пальто без капюшона. Дождь оседал на волосах мелкими каплями, но она не уско-

рила шаг. Три года назад Лев знал это движение как часть домашней жизни: так Ксения шла к столу, когда уже решила, чем закончится разговор. Она никогда не торопилась произнести последнее слово.

Он вынул ключ из замка зажигания и положил его в карман. Телефон оставил в держателе, камерой к ветровому стеклу. Запись он включил ещё после отъезда полиции. Красная точка была маленькой, из-за руля её не разглядеть.

Ксения остановилась у открытого окна.

— Можно без спектакля? — спросила она.

— Открой ворота.

— Открою. Я просила Андрея задержать тебя на две минуты.

— На каком основании?

— На том, что ты устроил в моём посёлке вызов полиции и теперь с мигренью собираешься выехать на трассу.

Лев посмотрел на часы на панели. Двадцать один тридцать две. Когда он звонил в полицию, Ксения не была ни в квартире, ни у ворот. Участковый уехал восемнадцать минут назад. Объяснение ещё не могло попасть ни в канцелярию, ни в электронное дело.

— Кто сказал тебе про мигрень?

— У тебя левый глаз щурится. Он всегда щурится перед приступом.

Это было правдой. Он разжал челюсть и почувствовал, как боль отвечает над бровью.

— А про полицию?

— Валера обязан докладывать о происшествиях.

— Ковтун уже успел пересказать?

— Он начальник смены, Лев. Не заговорщик.

Она произнесла имя охранника так, словно речь шла о старом соседе, который помог занести шкаф. Валерой его здесь называли все, кого пропускали без записи. Для остальных он был Ковтуном Валерием Николаевичем и должностной инструкцией на двух листах.

Ксения постучала ногтем по краю окна.

— Выйди. Пять минут посидим у меня в машине. Там тепло.

— Говори здесь.

— Андрей слушает.

Охранник немедленно отвернулся к мониторам.

— Он уже всё слышал, — сказал Лев.

Ксения отступила на полшага.

— Тогда хотя бы заглуши двигатель.

— Он заглушен.

Она посмотрела на приборную панель. Лев заметил эту короткую ошибку и не испытал удовлетворения. Значит, она тоже нервничала. В браке он принимал её уверенность за отсутствие страха. После развода понял: Ксения боялась часто, просто страх у неё первым делом искал, кому отдать распоряжение.

— Хорошо, — сказала она. — Ты приехал не по тому ад-

ресу. В карточке партнёра был объект сорок семь, а в посёлке сорок седьмой номер есть у квартиры, кладовой и узла связи. Автоматически подставилась квартира. Валера открыл помещение для обработки, там лежали списанные вещи. Ты увидел людей, которые помогали с выносом.

— Троих Беловых.

— Людей, назвавшихся Беловыми.

— Ты знаешь, как они назвались?

Ксения провела большим пальцем по мокрому краю двери.

— Валера сказал, что в объяснении ты назвал Сергея, Нину и какую-то Дарью.

— Моё объяснение лежало перед участковым. Ковтун стоял в трёх метрах.

— Лев, здесь тихо. Ты всегда недооценивал, как далеко слышен твой голос.

Он вспомнил двор у корпуса: дождь бил по жестяному козырьку, Ковтун разговаривал с рабочим у подъезда, а женщина в форме спрашивала фамилии вполголоса. Можно было услышать. Нельзя было доказать, что нельзя.

— Нина принимала лекарство, — сказал он. — На упаковке была её фамилия.

— На видео упаковка есть?

Тот же вопрос задал Ковтун. С тем же ровным интересом к границе между увиденным и сохранённым.

— На первой записи.

— Которая испорчена.

Лев не ответил.

Дождь стекал с крыши будки и попадал в открытую машину. На рукаве его куртки темнело пятно. Ксения могла знать о повреждённом файле со слов Ковтуна: Лев показывал запись полиции при нём. Могла знать о лекарстве, потому что Ковтун слышал объяснение. Каждая осведомлённость имела невинный путь. Все пути сходились к ней быстрее, чем он успевал задать следующий вопрос.

— Я хочу понять, что ты предлагаешь, — сказал Лев.

Ксения чуть наклонила голову. Когда-то этой фразой он начинал уступать. Она это помнила.

— Утром твой помощник исправляет карточку. Пишет, что произошла ошибка адреса и показ не состоялся. Мы возвращаем объявление партнёру на доработку. Ты звонишь участковому и уточняешь: прямых угроз не видел, личности людей не проверял, допускаешь, что на фоне приступа связал между собой разные события.

— А Яна?

— Руднева отменила встречу в четыре ноль восемь.

— Она была здесь.

— Ты сам только что слышал от неё обратное.

— Ты и это знаешь от Ковтуна?

Ксения замолчала. Не надолго, но достаточно.

— Яна позвонила в управляющую компанию, — сказала она. — Испугалась, что её втягивают в чужой спор. Попро-

сила убрать номер из журналов доступа, если он туда попал. Её здесь не было.

— Если не было, какой записи она испугалась?

— Твоего звонка испугалась. Ты умеешь давить, когда уверен, что спасаешь человека.

Лев потянулся к блокноту на пассажирском сиденье. Ксения проследила за его рукой.

— Ты опять всё записываешь?

— Сегодня начал.

— После того раза врач просил тебя не проверять себя каждую минуту.

— Врач просил вести дневник приступов.

— Дневник, а не следствие против собственной памяти.

Она знала формулировку. В кабинете невролога Ксения сидела справа от него и записывала название препарата, пока Лев пытался не смотреть на белые круги, плававшие перед глазами. Это было пять лет назад, ещё до Беловых, до акта, до развода. Тогда он потерял около двадцати минут: помнил, как остановился у аптеки, и не помнил, как оказался во дворе дома. Ксения нашла чек из аптеки в кармане, позвонила фармацевту и восстановила путь. Она не обвиняла его. Она принесла воду, задвинула шторы и три дня сама возила его на работу.

Именно поэтому её нынешняя забота действовала лучше угрозы.

— Ты принял таблетку? — спросила она.

— Нет.

— Не ври хотя бы мне.

— Я не принимал её сегодня.

— В бардачке пачка. Ты возишь её с собой.

Лев открыл бардачок. Пачка лежала за страховкой, край блистера выступал наружу. Он вытащил её и пересчитал таблетки под светом салона. Шесть в блистере, две ячейки пустые. Когда он покупал эту пачку и сколько успел принять, он не помнил. Обычно отрезал использованную ячейку ножницами, чтобы пачка не гремела. Здесь блистер был целым.

Ксения смотрела на его пальцы.

— Вот видишь.

— Что именно?

— Ты уже не уверен.

— В пачке нет двух таблеток. Это не значит, что одну я принял сегодня.

— А что значит?

— Только то, что в пачке нет двух таблеток.

Он положил лекарство на приборную панель, чтобы не убрать машинально обратно. Потом раскрыл блокнот.

Под записанными временами он провёл черту. Ручка скользила по влажной бумаге.

«21:32. Ксения остановила у центральных ворот. Утверждает: ошибка адреса, Беловы не проверены, Яна не приезжала. Знает о повреждённой записи, лекарствах Нины, звонке Яны и моей мигрени. Возможные источники: Ковтун,

Яна, личное наблюдение. Я не принимал таблетку, насколько помню. В блистере отсутствуют две».

Ксения прочитала перевёрнутые строки.

— «Насколько помню», — повторила она. — Наконец честно.

— Честно — не значит в твою пользу.

— Здесь нет моей пользы. Есть твоя работа, моя работа и трое людей, которые знают, как использовать твою вину.

— Какую вину?

Она ответила слишком быстро:

— За развод.

Лев закрыл блокнот.

Слова повисли между ними. Андрей в будке переложил связку карточек с одного края стола на другой. Чёрный внедорожник продолжал стоять поперёк полосы. За воротами проехал грузовик, обдав мокрый асфальт белым светом.

— Дарья сказала про акт, — произнёс Лев.

Ксения не переспросила, какой.

— И что именно она сказала?

— Четыре года назад я подписал полное освобождение сорок седьмой. Будто осмотрел все комнаты, не нашёл жильцов и вещей и подтвердил добровольный выезд.

— Ты подписывал сотни актов.

— Такой был?

— Не помню.

Теперь ошибку сделал он: посмотрел на неё с облегчени-

ем. Ксения увидела и продолжила мягче:

— Четыре года, Лев. Архив в другом здании. Ты хочешь, чтобы я среди ночи помнила один лист из сотен?

— Ты помнишь, где у меня лежат таблетки.

— Потому что я была твоей женой девять лет.

— А квартира принадлежит вашей семье.

— Компании. Не семье.

— Компания принадлежит твоему отцу.

— Доля принадлежит фонду, доля банку, доля отцу. Ты три года вёл продажи и знаешь устройство лучше, чем сейчас изображаешь.

Лев знал. «Чернов Дом» любил дробить собственность между обществами с похожими названиями. Когда покупатель спрашивал, кто отвечает за крышу, Лев рисовал стрелки на листе и обещал единое окно. Единым окном всегда оказывался человек, сидевший напротив. Бумаги принадлежали разным компаниям, решения — одной семье.

— Если акт существует, утром пришлешь копию, — сказал он.

— Зачем?

— Проверить подпись и содержание.

— Ты готов передать полиции документ, который может сделать тебя участником мошенничества?

— Я готов сначала его увидеть.

— Вот чего от тебя хотят Беловы. Не квартиру доказать, а получить свидетеля, который сам подтвердит нарушение.

Они четыре года не могут отменить сделку. Теперь нашли человека с мигренями, чувством вины и подписью на старых бумагах.

— Ты только что не помнила акт. Теперь знаешь, зачем он им.

Ксения выпрямилась.

— Я знаю спор по сорок седьмой квартире. Это моя работа. В деле есть их жалобы, копии, заявления. Не знаю, какой именно лист показали или назвали тебе.

— Мне ничего не показали.

— Тем удобнее. Можно назвать любой.

Лев почувствовал, как боль дошла до виска. Перед глазами не было ни белых кругов, ни дрожащей кромки света — обычная боль после долгого дня. Он отметил это про себя, но записывать при Ксении не стал. Не потому, что хотел скрыть. Потому что уже начал совершать действия в расчёте на её взгляд, а это было ещё одной формой её власти.

— В квартире пахло тушёным луком, — сказал он. — На плите кипел чайник. У Нины на левом кармане не хватало пуговицы. Пуговица у меня. Дарья знала, что в девятнадцать двадцать придут с ключом. Они пришли с тележкой и актом обработки, где работы назначены на девятнадцать ноль-ноль. После вызова полиции машину направили к северным воротам, а охрана сказала, что я уехал. За сорок минут из квартиры исчезли мебель, одежда, лекарства и штора. Проход закрыли мокрой панелью. Вот события. Мне пока не обя-

зательно знать, что они означают.

Ксения слушала, не перебивая. В конце её губы дрогнули, будто Лев верно повторил выученный урок.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда ещё события. Ты приехал на показ, которого нет в расписании. Клиент утверждает, что не приезжал. Твоя запись людей повреждена. В целой записи только сотрудники, выполняющие заявку. Вызванная полиция не нашла жильцов. Ты не видел угроз и не видел, чтобы кого-то удерживали. В кармане у тебя пуговица, которую мог оторвать кто угодно. У тебя болит голова, и ты не можешь сказать, когда принял две таблетки из пачки. Это тоже события.

— Да.

— И какая версия требует меньше выдумок?

— Не знаю.

Она впервые за разговор улыбнулась. Не победно — почти устало.

— Тогда поезжай домой. Выпись. Утром позвонишь мне, и мы без полиции разберём адреса, журналы и акт.

Лев посмотрел на шлагбаум.

— Открывай.

— Ты меня услышал?

— Полностью.

— И?

— Я не буду уточнять участковому, что придумал людей. Я скажу только то, что видел, и отдельно — чего не видел.

Пришли утром акт, заявку на обработку в исходном виде и запись въезда Яны.

— Записи камер выдаются по запросу полиции.

— Тогда сохрани их до запроса.

— Они хранятся семь суток автоматически.

— Напиши мне это сообщением.

— Зачем?

— Чтобы завтра срок не оказался одни сутки.

Ксения вздохнула и достала телефон. Экран осветил её лицо снизу. Она набрала несколько слов. Телефон Льва в держателе завибрировал.

«Записи центрального въезда хранятся 7 суток. К. Чернова».

Он сделал снимок экрана вторым телефоном — старым аппаратом, который держал в сумке для показов. Ксения заметила.

— Ты всегда становишься очень тщательным на день позже, — сказала она.

— Иногда на четыре года.

Её лицо изменилось. Совсем немного: подбородок поднялся, плечи перестали казаться усталыми.

— Не превращай старые ошибки в подвиг, Лев. Если ты подписал бумагу не глядя, это не сделает тебя хорошим человеком только потому, что теперь ты сдашь её следователю.

— Не сделает.

— И работу не вернёт.

— Какую?

— Ту, которую ты потеряешь, когда партнёры увидят вызов полиции на собственный показ.

Вот и угроза. Произнесённая как деловой прогноз, без условия и требования. Ксения могла утром позвонить трём застройщикам, и они не расторгли бы договоры — просто перестали бы присылать объекты. Через месяц агентство Льва осталось бы с арендой и вторичным жильём. Через три не хватило бы денег на офис и зарплату помощнику.

— Ты уже им позвонила? — спросил он.

— Нет.

— Тогда не звони.

— Я не управляю чужими решениями.

— Управляешь доступом к сведениям, на которых они решат.

— Ты хочешь, чтобы я скрыла происшествие?

— Я хочу, чтобы ты не рассылала свою версию раньше полицейского запроса.

— А сам уже выбрал версию Беловых.

— Я выбрал не стирать сегодняшний вечер.

Она убрала телефон в карман.

— Открой, Андрей.

Охранник нажал кнопку. Шлагбаум поднялся, но чёрный внедорожник всё ещё стоял на второй полосе, и Ксения осталась возле водительской двери Льва.

— Последнее, — сказала она. — Не звони Яне. У её мужа

просрочка по ипотеке и переоформление залога. Она решила, что ты можешь это испортить. Не усугубляй.

Лев не сразу понял, что именно услышал.

— Откуда ты знаешь про ипотеку мужа?

— Она подбирала квартиру через наш банк-партнёр.

— Её семья не покупала квартиру в Бережном. Яна сказала, что смотрит для матери.

— Значит, у неё есть причины не рассказывать тебе всё.

— Или у тебя есть причина знать, чем её напугать.

Ксения отступила от машины.

— Вот поэтому тебе надо поспать.

Она пошла к своему внедорожнику. Лев завёл двигатель, но не тронулся. В зеркале он видел, как Ксения садится за руль, как Андрей выходит из будки и вручную протирает считыватель карточек сухой тканью. На краю дороги под дождём стояла камера — чёрный шар под белым козырьком. Она смотрела одновременно на ворота, будку и место, где только что разговаривали бывшие супруги.

Лев записал в блокноте слова об ипотеке и время. Потом вынул гостевую карточку из кармана и положил в бумажный конверт для договоров. На пластике могли остаться только его отпечатки, и всё же ему не хотелось отдавать её Андрею без отметки. Он написал на конверте: «Карточка получена 18:53, выезд задержан до 22:01».

Ксения сдала назад и освободила полосу. Её машина проехала мимо, снова скрылась за воротами и повернула к ад-

министративному корпусу. Она не собиралась домой.

Лев пересёк белую линию. Шлагбаум опустился сразу за багажником.

У первого круглосуточного магазина на шоссе он остановился под ярким навесом. Купил бутылку воды, дешёвую шариковую ручку и прозрачный пакет с застёжкой. Продавец пробил чек в двадцать два шестнадцать. Лев положил в пакет пуговицу Нины, закрыл застёжку и подписал чек: где получил предмет, кто присутствовал, когда убрал отдельно. Фотографию пакета сделал обоими телефонами.

Затем он сел за столик у окна и открыл бумажный журнал на чистой странице.

Слева написал «Видел сам». Справа — «Узнал от других». Ниже, отдельно, — «Предполагаю».

В левую часть попали Беловы, чайник, лекарство, три чашки, техническая дверь, Ковтун с ключом, тележка, мокрая панель и Ксения у ворот. В правую — слова Дарьи об акте, отказ Яны, версия Ковтуна об обработке, сведения Ксении об ипотеке. В третью — связь Ксении с исчезновением вещей, давление на Яну, намеренная порча записи.

Последний пункт Лев перечеркнул и написал точнее: «Причина повреждения записи неизвестна».

Он перечитал страницу. Слева было достаточно, чтобы не считать вечер сном. Справа — достаточно, чтобы не считать Дарью надёжной только потому, что Ксения лгала или недоговаривала. Третья колонка оставалась самой длинной. Это

раздражало, но не пугало.

Телефон показал новое письмо. Отправитель — Ксения Чернова, тема: «Ошибочный показ». Внутри было четыре строки.

«Подтверждаю разговор у центрального въезда. До выяснения прошу не посещать Бережный без предварительного согласования. Записи камер хранятся семь суток. Документы по квартире предоставляются по официальному запросу».

Она закрепляла свою версию так же быстро, как он свою. Только её письмо сразу становилось документом компании.

Лев сохранил его на оба телефона и переслал на новый адрес, созданный прямо за столиком. Потом записал пароль на внутренней стороне обложки блокнота не словами, а подсказкой, понятной только ему. Он знал, что это слабая защита. Пока большего не было.

У выхода из магазина он заметил на подошве светлую крошку. Снял ботинок, стряхнул её на чёрную крышку мусорной урны и присмотрелся. Засохшая белая краска, обычная эмаль. Такая могла пристать у панели в сорок седьмой, могла — на любой свежей лестнице. Он не стал убирать крошку в пакет. Доказательство, которое подходит ко всему, не доказывает ничего.

В машине боль над бровью стала слабее. Лев снова пересчитал таблетки и сфотографировал блистер рядом с чеком магазина. Затем завернул пачку в отдельный пакет и убрал в

багажник. Если утром в ней по-прежнему не хватит двух, это не восстановит прошлое. Зато третья не исчезнет незаметно.

Перед выездом он позвонил Михаилу Сёмину.

Гудки шли долго. Наконец Михаил ответил сонным голосом:

— Если у тебя потёк офис, перекрой синий вентиль. Красный не трогай.

— У меня не потёк офис.

— Тогда почему ты звонишь в половине одиннадцатого?

— Мне нужен человек, который помнит технические проходы в Бережном.

Сон из голоса Михаила исчез.

— Тебе зачем?

— За шкафом в сорок седьмой есть металлическая дверь. Сегодня через неё ушли трое людей. Через час дверь закрыли фанерой и сказали, что за ней вентиляционная шахта.

Михаил молчал. Лев слышал в трубке слабое механическое дыхание — у матери Сёмина в спальне работал увлажнитель.

— Какой корпус? — спросил Михаил.

— Четвёртый.

— Там не шахта.

— Что?

— По старому плану не шахта. Обходной проход к стоякам. Узкий, но человек пройдёт. Я его чертил.

Лев закрыл глаза. Не от облегчения — чтобы не перепу-

тать услышанное с тем, на что надеялся.

— План у тебя остался?

— Может быть. На рабочем диске старые копии. А может, всё сдал заказчику.

— Не ищи в сети. И никому пока не звони.

— Ты сейчас говоришь как человек, которому надо было позвонить не мне, а в полицию.

— Полиция уже была. Проход закрыли до осмотра.

— Ты людей видел сам?

— Да.

— Трезвый?

Вопрос прозвучал грубо и поэтому честно.

— Да. Голова болела, таблетку не принимал. Запись с людьми повреждена, запись охраны сохранилась. Клиент отрицает, что приезжал.

— Понял. Не понял, но услышал. Утром посмотрю локальный архив. В Бережный без меня не суйся.

— Я и не собирался.

— Врёшь плохо. Позвони в восемь.

Михаил отключился.

Лев добавил в журнал: «22:34. Михаил Сёмин подтвердил: за квартирой №47 по старому плану обходной проход к стоякам; обещал проверить локальную копию». Потом рядом приписал: «Это сведения Михаила, пока не документ».

На шоссе машин почти не было. Лев включил обогрев стекла и поехал к городу, удерживая стрелку на девяноста.

В зеркале Бережный исчез за дождём через два поворота, но на пассажирском сиденье лежал журнал, а в нём — две версии одного вечера, записанные разными чернилами.

Ксения просила его считать адрес ошибкой.

Лев пока не знал, чья квартира значилась под номером сорок семь в настоящих бумагах. Но он точно знал, у каких ворот его не хотели выпускать, пока он не согласится забыть, кого видел за дверью.

Глава 4. Ключ от сорок седьмой

В восемь утра Михаил прислал фотографию экрана.

На сером чертеже красной линией шёл узкий проход вдоль квартир четвёртого корпуса. Напротив цифры 47 линия расширялась в прямоугольник, затем поворачивала к лестничной клетке. Под снимком было одно сообщение: «Нашёл. Не пересылай. Через двадцать минут буду».

Лев увеличил фотографию, не сохраняя её отдельно. В правом нижнем углу стояли фамилия Михаила и дата четырёхлетней давности. Это подтверждало, что Семин не придумал проход ночью, но не доказывало, что вчера там шли Беловы. Красная линия могла быть проектом, который не построили, или каналом для труб, слишком узким для человека.

Он записал это в журнал и поставил чайник.

Ночью он спал два часа. Не из-за боли — та прошла ещё на шоссе. Каждый раз, когда Лев закрывал глаза, он видел Ксению у окна машины и две пустые ячейки блистера. В половине третьего он нашёл банковскую выписку: пачку купил девять дней назад. Потом поднял календарь и отметил два приступа, во время которых принимал лекарство. Пустые ячейки получили объяснение. Лев записал даты, приложил снимки чеков и заставил себя не называть это победой. Он лишь выяснил, куда делись две таблетки.

Михаил приехал с бумажным рулоном под мышкой и в рабочей куртке со светоотражающими полосами. На площадке он не поздоровался, а сначала посмотрел на дверной глазок соседней квартиры.

— Камера есть?

— Нет.

— Поставь.

В кухне Михаил развернул на столе старый чертёж. Бумага была плотной, с потёртыми краями и круглыми следами от чашек.

— Это копия из моего шкафа, — сказал он. — На диск я заходил только посмотреть дату. Файл не трогал.

— Почему просил не пересылать снимок?

— Доступ к архиву записывается. Если кто-то спросит, я искал старый узел для плановой проверки. А если ты разошлешь лист, вопрос будет не «что за проход», а «кто отдал Карелину служебную документацию».

— Уже жалеешь?

— Уже думаю. Это полезнее.

Михаил прижал углы солонкой и сахарницей. По чертежу технический ход начинался у стояка между сорок шестой и сорок седьмой, проходил за встроенными шкафами и выходил в служебную кладовую возле второго подъезда.

— Высота метр восемьдесят, ширина семьдесят, — сказал Михаил. — Делали, чтобы менять трубы без вскрытия квартир. Потом заказчик попросил закрыть входы декоративны-

ми панелями. Замки остались.

— Вчера за шкафом была металлическая дверь.

— По проекту так и есть.

— Значит, Беловы могли выйти к кладовой.

— Могли. Не значит, что вышли.

Лев кивнул. За двенадцать часов это был первый человек, которому не требовалось объяснять разницу.

Он достал связку ключей, выданную партнёром перед показом. На длинной бирке было напечатано: «Бережный, корп. 4, кв. 47». Ключ с квадратной головкой вчера открыл дверь квартиры. Лев помнил сопротивление первого оборота и щелчок второго.

Михаил взял его за края через чистую салфетку.

— Обычная заготовка. Метка свежая?

— Бирка была такой.

— Я про царапины.

На одной стороне бородки блестела узкая полоска. Лев вчера её не замечал.

— Не знаю.

— Вот правильный ответ. Поедем проверим не квартиру.

— Куда?

Михаил ткнул пальцем в прямоугольник у второго подъезда.

— В кладовую сорок семь.

До Бережного они ехали на фургоне Михаила. Рабочая машина пахла резиной, кофе и металлической стружкой.

Лев оставил свою у дома, чтобы номер не появился у ворот второй раз. На коленях держал закрытый конверт со связкой и журнал.

— У тебя есть заявка? — спросил он.

— На ежемесячную проверку противопожарных дверей. Подписана в понедельник. Четвёртый корпус в списке.

— Ты используешь настоящую работу как повод провести меня внутрь.

— Нет. Я выполняю настоящую работу. Ты мой сопровождающий от отдела продаж, который забыл у меня каску.

— Я больше не из отдела продаж.

— Андрей на воротах может этого не знать.

— Ксения знает.

Михаил перестроился перед поворотом.

— Тогда, если она будет у ворот, ты выйдешь. Я проверю двери один.

— Это моя история.

— А заявка моя. Не путай ответственность с привычкой стоять в центре.

У шлагбаума дежурил не Андрей. Молодой охранник сверил номер фургона с планшетом и попросил Михаила открыть задние двери. Там лежали стремянка, ящик с инструментами, два огнетушителя и каска Льва, которую Михаил действительно захватил из старого шкафа.

— Сопровождающий кто? — спросил охранник.

Михаил назвал фамилию Льва. Палец охранника остано-

вился над экраном.

— Карелину въезд ограничен.

— Он не въезжает на своей машине и не идёт в жилые помещения. Он присутствует при проверке имущества отдела продаж.

— Мне надо согласовать.

Лев уже собирался выйти, когда у будки остановился рейсовый автобус. Из него вышли две уборщицы, курьер с коробками и пожилой мужчина с тростью. Охранник открыл калитку, собирая пропуска. За фургоном засигналил мусоровоз.

— Пять минут, — сказал он Михаилу. — Только технический дом и общие зоны.

Шлагбаум поднялся.

— Он запишет время, — сказал Лев, когда они отъехали.

— И правильно. Мы не прячемся.

Возле четвёртого корпуса Михаил надел каску, взял планшет и измеритель. Льву выдал вторую каску и пустую папку. Со стороны они выглядели как двое мужчин, которым неинтересно ничего, кроме петель и доводчиков.

К квартире они не поднимались. Прошли вдоль фасада ко второму подъезду. Между лестницей и мусорной комнатой находилась серая дверь без номера. На чертеже помещение называлось «Кл.-47».

— Вот откуда могла взяться ошибка адреса, — сказал Лев.

— Могла.

Дверь была заперта. На цилиндре замка вокруг щели виднелись дугообразные царапины, а два крепёжных винта отличались цветом: верхний потемнел, нижний блестел.

Михаил включил камеру планшета и снял общий вид, табличку эвакуации рядом, замок крупно и порог. Затем продиктовал дату и цель проверки.

— Давай ключ, — сказал он.

Лев вскрыл конверт перед камерой, показал бирку и передал ключ Михаилу. Тот вставил его без усилия. Первый оборот прошёл мягко, второй отодвинул засов.

Ключ от квартиры сорок семь открыл кладовую сорок семь.

Лев почувствовал не удивление, а пустоту, похожую на шаг мимо ступеньки. Вчера он сам вставлял этот ключ в дверь квартиры. Он слышал щелчок. Но дверь изнутри придерживал Сергей. Лев не смотрел, двигался ли засов на самом деле. Ключ мог войти в неподходящую скважину, а Сергей мог одновременно снять замок изнутри.

— Не трогай дверь, — сказал Михаил.

— Я и не трогаю.

— У тебя лицо трогает.

Михаил вынул ключ и запер кладовую. Повторил проверку ещё два раза, непрерывно снимая. Потом достал из ящика собственную контрольную заготовку и приложил линейку к цилиндру.

— Сердцевину меняли недавно.

— Насколько недавно?

— Не скажу. Вчера, неделю назад, месяц — зависит от сырости и работы. Но корпус старый, а цилиндр без окислов. Нижний винт новый. На краске вокруг накладки свежий скол.

— Можно установить модель?

— Модель видно. Дату установки — по накладной или камерам. След инструмента не календарь.

Лев записал дословно.

Михаил присел возле порога. В углу темнела тонкая полоска земли. Он посветил фонарём и показал две параллельные борозды.

— Колёса?

— Похоже. Не пиши как факт. Здесь возят баки, ящики, тележки уборщиков.

Он открыл дверь своим мастер-ключом из опломбированного набора. Теперь Лев увидел, что зубцы были другими, хотя головки ключей походили.

В кладовой горела одна лампа. У стены стояли мешки с реагентом, сломанный стул и складная тележка. На полу оставались влажные следы колёс, уходившие к дальней стене. Там висел лист фанеры, окрашенный той же белой эмалью, что и панель в квартире.

— Выход прохода? — спросил Лев.

Михаил сравнил стену с планом.

— Должен быть здесь.

Он не стал снимать фанеру. Проверил края фонарём, измерил температуру поверхности и приложил ладонь.

— За ней теплее на два градуса. Может идти труба.

— Или проход.

— Или труба в проходе. Не угадывай за прибор.

На сломанном стуле лежала серая шерстяная нитка. Лев вспомнил кардиган Нины и потянулся к карману, где хранил пакет с пуговицей. Михаил перехватил его запястье.

— Не доставай.

— Цвет совпадает.

— Серый цвет не совпадает, он бывает. Если положишь рядом предмет из квартиры, потом будешь доказывать, что сам не принёс нитку.

Лев убрал руку.

Михаил снял нитку на фоне линейки, но не взял. Потом сфотографировал тележку и номер на её раме.

Снаружи хлопнула подъездная дверь.

Ковтун появился в проёме кладовой без куртки, в том же жилете управляющей компании. Позади него стоял молодой охранник с ворот.

— Проверка пожарных дверей? — спросил Ковтун.

— По заявке семьдесят четыре, — ответил Михаил. — Дверь кладовой не имеет маркировки, доводчика и журнала обслуживания. Проход за дальней панелью перекрыт складированием.

Ковтун посмотрел на Льва.

— Вам вход ограничен.

— Я сопровождаю подрядчика в общей зоне.

— Вы не сотрудник собственника.

— Тогда проводите нас к представителю собственника, — сказал Михаил. — Мне нужна подпись под замечанием.

Он говорил без вызова, как человек, которому действительно требовалась подпись. Ковтун вошёл в кладовую и увидел открытую дверь.

— Кто разрешил вскрытие?

— Замок входит в мастер-систему технических помещений. Доступ предусмотрен заявкой.

— Это склад управляющей компании.

— Тогда покажите журнал ключей и назначенного ответственного.

Ковтун перевёл взгляд на связку в прозрачном конверте.

— А это что?

— Ключ, выданный вчера для квартиры сорок семь, — сказал Лев. — Сегодня он открыл эту кладовую.

Молодой охранник перестал смотреть на Михаила.

Ковтун не удивился.

— Значит, партнёр перепутал ключи. Ксения Сергеевна вам это объясняла.

— Она говорила об ошибке адреса, — ответил Лев. — Не о ключе.

— Одно следует из другого.

— Вчера тем же ключом я открыл квартиру.

— Дверь вам открыл мужчина изнутри. Вы сами сказали полиции.

Лев почувствовал, как Михаил рядом едва заметно повернул голову. Это была важная поправка, и сделал её противник.

— Значит, ключ мог не открывать квартиру, — сказал Лев.

— Наконец разобрались.

— Тогда почему на бирке написано «кв. 47», а не «кладовая»?

— Ошибка партнёра. Все вопросы к нему.

Михаил поднял планшет.

— По замку вопрос ко мне. Сердцевина новая, в ведомости мастер-системы её номера нет. Кто менял?

Ковтун пожал плечами.

— Подрядчик.

— Какой?

— Заявку поднимем.

— До вечера пришлите. Без номера цилиндра я отмечу несанкционированную замену и невозможность аварийного доступа.

— Отмечайте.

Ковтун сказал это спокойно, но молодой охранник у двери переступил с ноги на ногу. Михаил закрыл кладовую, наклеил на край замка узкую номерную пломбу и сфотографировал её.

— До выяснения не менять, — сказал он. — Если сорвёте, укажите в журнале причину.

— Вы не имеете права пломбировать наше помещение.

— Это контрольная наклейка, не препятствует открытию. Срывайте при необходимости. Номер попадёт в акт.

На улице Михаил не заговорил, пока они не сели в фургон. Лев положил конверт с ключом между сиденьями.

— Теперь у нас есть запись проверки, — сказал он.

— У меня есть запись проверки. У тебя — ключ, который открывает кладовую.

— Ты пришлёшь копию?

— После того как зарегистрирую акт у себя в компании.

— Если регистрируешь, Ксения узнает.

— Она уже знает. Валера стоял рядом.

Михаил завёл двигатель. На планшете высветилось входящее письмо. Он прочитал и тихо выругался.

— Что?

— Заказчик приостанавливает все проверки в Бережном до пересмотра договора. С сегодняшнего дня.

— Из-за меня.

— Из-за моего решения привести тебя. Не отбирай у меня даже ошибку.

— Сколько у тебя здесь работы?

— Четверть месячного оборота. Может, треть зимой.

Лев посмотрел на административный корпус. Отсюда окна Ксении были не видны, только отражали низкое небо.

— Я оплачу потери.

— Из агентства, которому она перекроет объекты?

Михаил убрал планшет экраном вниз.

— Мне не деньги сейчас нужны. Мне надо понять, почему сердцевину, которой нет в ведомости, поставили в кладовую и выдали ключ риелтору как ключ от квартиры. И почему за панелью тепло, хотя стояк по плану в другом углу.

— Вернёмся ночью?

— Нет. Сначала сделаем так, чтобы сегодняшний акт жил не только в моём планшете.

У ворот молодой охранник не потребовал карточку. Шлагбаум поднялся заранее. На выезде камера повернулась вслед фургону.

Лев записал время и не стал снимать её в ответ. У него уже были ключ, номер пломбы и два свидетеля проверки, один из которых только что потерял треть зимней работы.

Когда Бережный скрылся за поворотом, Михаил сказал:

— В следующий раз, прежде чем назвать меня единственным человеком, которому можно доверять, спроси, согласен ли я платить такую цену.

— Я тебя так не называл.

— Пока нет.

Лев убрал ручку. Извинение просилось первым, но было бы слишком лёгким: слово вместо возвращённого договора.

— Зарегистрируй акт, — сказал он. — А потом решим, как не оставить тебя с ним одного.

Михаил кивнул и прибавил скорость.

В прозрачном конверте на панели лежал ключ с неверной биркой. Вчера он привёл Льва к людям, которых не должно было быть. Сегодня — к кладовой, которой в рассказе Ксении отводилась роль простой ошибки.

Ошибка оказалась заперта новым замком.

Глава 5. Никто не записан

Акт Михаил регистрировал в маленьком офисе над шиномонтажом. На первом этаже визжала пневматическая гайка, и каждый её удар отдавался в металлической лестнице. Лев поднялся следом, но остановился у двери: Михаил велел ему не входить, пока документ не получит номер.

Через стекло было видно два стола, шкаф с папками и принтер на тумбе. Михаил сел за компьютер, вставил карту сотрудника и несколько раз сверился с планшетом. Он не спешил. Перенёс фотографии замка, указал номер контрольной наклейки, приложил старый чертёж и написал, что доступ к техническому проходу перекрыт. Про людей в квартире не написал ничего.

Лев смотрел, как на экране появляются строки, и впервые за утро почувствовал раздражение не на Ксению, а на точность Михаила. Хотелось, чтобы тот назвал увиденное своими именами: новый цилиндр, ключ с ложной биркой, проход, через который могли вывести троих людей. Вместо этого в акте были только дверь, замок, температура панели и отсутствие накладной.

Но именно поэтому его можно было показать кому угодно.

Михаил нажал кнопку. Принтер зашуршал, выпустил два листа. На первом в верхнем углу стояло: «Акт № 418/Б».

Время регистрации — 10:46.

— Теперь живёт? — спросил Лев, когда дверь открылась.

— Пока на сервере, в журнале исходящих и в этой папке.

Михаил подписал оба экземпляра. Один вложил в серый скоросшиватель, другой — в конверт с адресом управляющей компании.

— Отправишь курьером?

— Заказным письмом с описью. Электронную копию уже отправил заказчику и самому себе на рабочую почту.

— Себе нельзя?

— Рабочий ящик на том же домене. Это не тайник. Просто ещё одна запись времени.

Он снял куртку, повесил на спинку стула и включил чайник. Только теперь Лев заметил, насколько тот устал. Под глазами залегли серые тени, пальцы правой руки подрагивали после холода.

— Тебе к матери надо? — спросил Лев.

— В час приедет сиделка. Потом отвезу маму на процедуры.

— Я могу отвезти.

— Она тебя не помнит.

— Я её помню.

— От этого ей в машине легче не станет.

Михаил поставил перед ним кружку, на которой было написано «Ответственный за всё», и себе налил кипяток в бумажный стакан.

— Что дальше?

Лев достал журнал. На новой странице уже стояли четыре строки: время въезда, время проверки, номер акта и время письма о приостановке договора.

— Узнаю, кто числился в сорок седьмой и когда выбыл.

— Ты это вчера не проверил?

— В объявлении собственником было общество «Северный актив». Выписку партнёр прислал месячной давности. Обременений нет. Зарегистрированных жильцов в ней не указывают.

— А Беловы называли себя собственниками?

Лев вспомнил Сергея у двери. «Это наша квартира» — так он сказал. Не «мы собственники». Тогда разница показалась уловкой человека, который не хотел пускать риелтора.

— Нет. Дарья говорила, что их вычеркнули. Нина — что они здесь жили.

— Значит, ищи не только право собственности.

— Домовую книгу, старые лицевые счета, договоры услуг.

— И не ходи один туда, где документы выдают те же люди, на которых ты жалуешься.

Лев усмехнулся.

— Предлагаешь взять тебя?

— Предлагаю не считать меня свободным только потому, что у меня отняли работу.

Телефон Михаила зазвонил. На экране высветилось «Мама». Он ответил сразу, отвернулся к окну и заговорил мед-

ленно, называя себя по имени. Лев допил чай, оставил на столе визитку и написал на обороте номер отдела регистрации в районном центре.

Перед уходом он положил рядом ключ в прозрачном конверте.

— Забери, — сказал Михаил, закончив разговор. — Это не моя вещь.

— Если он останется у меня, скажут, что я мог им пользоваться после проверки.

— А если у меня — скажут, что пользовался я. Отдай тому, кто выдал, под расписку. Но сначаланими обе стороны бирки и все царапины рядом с линейкой. Одним непрерывным видео.

— Уже учу тебя хранить доказательства?

— Нет. Ты учишься не превращать предмет в доказательство одним желанием.

Лев убрал конверт. Внизу гайка снова сорвалась с резьбы, кто-то выругался, и пол мелко задрожал.

Он поехал в районный многофункциональный центр. По дороге позвонил партнёру Антону, который передал ему объект. Тот не ответил. Через минуту пришло сообщение: «На встрече. По Бережному всё снято, не трать время».

Лев набрал снова. Вызов сбросили.

В журнале он записал слова сообщения, не делая вывода, кто велел снять объект. Затем открыл письмо с первоначальным заданием. В нём по-прежнему были адрес, имя Яны,

время показа и код для ворот. В приложении лежала выписка о собственнике — «Северный актив». Документ сформировали тридцать два дня назад. Лев сохранил письмо в отдельную папку, выгрузил его с техническими заголовками на флешку и положил флешку в карман, где раньше носил таблетки.

У центра свободных мест не было. Он припарковался за аптекой и, прежде чем выйти, проверил другой карман. Блистер лежал там, куда он переложил его утром. Две ячейки были пусты: одна таблетка позавчера, одна — в день показа. Он помнил обе. Или помнил, что решил так считать.

Лев закрыл машину и сфотографировал приборную панель с временем. После разговора с Ксенией ему стало стыдно за такие снимки, словно он соглашался с её версией своей болезни. Потом стыд прошёл. Время на фотографии не доказывало ясность его головы. Оно доказывало только время. Этого было достаточно.

В зале электронной очереди пахло мокрыми куртками и бумагой. Терминал предлагал услуги по недвижимости, регистрации и миграционному учёту, но ни одна кнопка не называлась «узнать, куда исчезли люди». Лев выбрал справки о регистрации, получил талон и сел напротив плаката о защите персональных данных.

На экране сменялись номера. Молодая мать у соседнего окна пыталась доказать, что ребёнок существует без штампа в паспорте. Сотрудница повторяла, что требуется свидетель-

ство. Ребёнок стоял между ними, облизывал край варезки и смотрел на принтер.

Когда вызвали Льва, за окном сидела женщина в бордовом жилете с табличкой «Лариса Витальевна».

— По какому основанию запрашиваете сведения о зарегистрированных лицах? — спросила она.

Лев подал доверенность от собственника на организацию показов и копию выписки.

— Для подготовки сделки. Нужно подтвердить отсутствие зарегистрированных жильцов.

Лариса Витальевна прочла доверенность дважды.

— Здесь право показывать объект и получать технические документы. Сведения о гражданах отдельно не указаны.

— Можно получить справку не с фамилиями, а о количестве зарегистрированных?

— По текущему состоянию — при наличии полномочий собственника. У вас собственник юридическое лицо, доверенность от агентства, а не от него.

— Тогда сведения о выбывших четыре года назад?

Она сняла очки.

— Тем более нет.

— А если эти люди утверждают, что живут там сейчас?

— Пусть обращаются сами.

— Если они не могут обратиться?

— Тогда их представитель с доверенностью.

— Представитель не знает, где они.

Лариса Витальевна посмотрела на него поверх очков. В её взгляде не было ни подозрения, ни участия — только усталость человека, которому каждый день приносят задачу, не предусмотренную кнопками.

— Вы в полицию обращались?

— Да.

— Номер материала есть?

Лев показал талон-уведомление. Она переписала номер на листок, встала и ушла к дальней двери. Лев видел, как она разговаривает с мужчиной в синей рубашке. Тот сначала качнул головой, затем взял листок и скрылся за перегородкой.

Вернулась Лариса Витальевна с пустыми руками.

— Мы не можем выдать вам персональные данные. Но вы можете заказать архивную справку о зарегистрированных лицах через собственника либо по запросу полиции.

— Мне хотя бы нужно понять, существовали ли Беловы в этом адресе.

На фамилии её лицо не изменилось. Она ввела что-то в систему, закрывая клавиатуру ладонью.

— Назовите полностью.

— Сергей Павлович Белов, шестьдесят четыре года. Нина Аркадьевна Белова, шестьдесят один. Возможно, Дарья Белова, двадцать девять, племянница.

— Даты рождения?

— Нет.

— Тогда совпадений может быть сколько угодно.

Она снова набрала фамилию. Лев не видел экран, только отражение белого прямоугольника в её очках.

— Я ничего вам сейчас не сообщаю, — сказала она. — Оставьте официальный запрос. Ответ получите в установленный срок.

— Какой?

— До тридцати дней.

— Мне нужно раньше.

— Всем нужно раньше.

Лев заполнил заявление, указал адрес, номер полицейского материала и просьбу передать ответ непосредственно сотруднику, проводящему проверку. Лариса Витальевна приняла лист, поставила штамп и вернула отрывную часть.

— Если собственник закажет справку, её сделают быстрее? — спросил он.

— Обычно да.

— А управляющая компания?

— Если ведёт регистрационный учёт и имеет основание.

— В Бережном ведёт.

— Тогда начните там.

Она уже вызвала следующий номер.

У выхода Лев столкнулся с мужчиной в синей рубашке. Тот нёс стопку папок и говорил по гарнитуре:

— Да, Ксения Сергеевна, запрос приняли. Нет, сведений не выдавали.

Мужчина прошёл мимо, не взглянув на Льва. Фамилии в разговоре не прозвучало, только имя и отчество. Ксений Сергеев в районе могло быть несколько. Лев не пошёл следом. Записал время, точные слова и одежду мужчины. В графе «вывод» поставил: «Возможно, звонок К. Черновой. Не установлено».

Затем набрал управляющую компанию Бережного с общего номера на сайте.

— Архив паспортного стола, — попросил он.

— Представьтесь.

— Карелин Лев Андреевич, агент по объекту сорок семь. Нужна справка об отсутствии зарегистрированных.

На линии заиграла музыка. Через минуту ответил знакомый женский голос.

— Лев, ты мог позвонить мне сразу.

— Я звонил в архив.

— Архив относится ко мне.

Ксения говорила негромко. Где-то рядом с ней щёлкнул степлер, потом закрылась дверь.

— Мне нужна справка по сорок седьмой, — сказал Лев.

— Уже отправила Антону. Никто не зарегистрирован.

— Текущая меня не устраивает. Нужна история за четыре года.

— Для сделки она не нужна.

— Для проверки нужна.

— Какой проверки?

— Той, по которой вчера приезжала полиция.

На несколько секунд в трубке осталось только тихое гудение вентиляции.

— Ты решил превратить ошибочный показ в похищение людей?

— Я не говорил о похищении.

— Вчера говорил об удержании.

— Я сказал, что видел жильцов, которые прятались от охраны.

— И ушли сами.

— Откуда ты знаешь?

Ксения выдохнула, будто он утомил её намеренной глупостью.

— Из объяснений Валерия. Ты же сам видел, как они ушли.

— Валерий не видел. Он вошёл после.

— Тогда из твоих слов полиции. Лев, я не собираюсь разбирать каждую твою фразу. Справку пришлю.

— С исходящим номером и основанием выбытия.

— Персональные данные я тебе не дам.

— Передай полиции.

— Пусть запросят.

Она отключилась.

Через три минуты Антон переслал файл с коротким сообщением: «Вот. Закрыли тему?»

Справка была на бланке управляющей компании, с си-

ней печатью, подписью начальника расчётного отдела и сегодняшним временем. В квартире №47 никто не был зарегистрирован. Ни сейчас, ни на дату справки.

Лев увеличил нижний край. Подпись выглядела живой, печать не была вставленным изображением. Но документ отвечал на самый узкий вопрос из возможных.

Он написал Антону: «Нужна архивная с историей выбытия». Ответ пришёл почти сразу: «Не лезь. Собственник расторгает договор, если продолжим».

Лев позвонил ему в третий раз. Теперь Антон ответил.

— Ты понимаешь, сколько у нас там объектов? — спросил он вместо приветствия.

— Семь активных, ещё два на подготовке.

— Восемь активных. Один сегодня утром добавили.

— Кто дал тебе ключ от сорок седьмой?

— Курьер управляющей. Запечатанный пакет, обычная передача.

— Есть акт?

— Лев, не устраивай допрос.

— Есть запись передачи?

— В журнале курьера должна быть.

— Имя?

— Не знаю. Парень. Может, двадцать лет, может, тридцать. Они там все в одинаковых куртках.

— Ты проверил, что ключ открывает квартиру?

— Я должен ездить и каждый замок тыкать? Для этого

показ и существует.

— Кто составил объявление?

— Карточка пришла готовая. Фото из старой базы, описание я поправил.

— Фото какой давности?

Антон замолчал. В трубке слышалось, как он водит мышью.

— Четыре года, — сказал он наконец. — Кухню потом обновляли, но собственник разрешил старые.

На старых фотографиях квартира была пустой?

Лев знал ответ, однако всё равно открыл карточку на ноутбуке в машине. Светлая кухня, белая штора, голый стол. В углу кадра — дверь в коридор. Створка закрыта, ручки не видно.

— Эти снимки сделали после освобождения? — спросил он.

— По свойствам файла — да. Через два дня после акта.

— Какого акта?

Снова короткое молчание.

— Не знаю. В папке так написано: «После акта». Слушай, Ксения прислала архивную выписку. Я тебе перешлю, и на этом всё. Если не остановишься, партнёры проголосуют за твоё отстранение от объектов.

— Пусть голосуют.

— У тебя сорок процентов компании, не сто. Не делай вид, что один решаешь.

— Я и не решаю один. Сохрани журнал передачи ключа.

— Зачем?

— Потому что завтра его могут попросить полицейские.

— А если не попросят?

— Тогда он просто останется журналом.

Антон выругался и отключился.

Архивная выписка пришла через семь минут. Это был скан двух страниц, заверенный тем же начальником расчётного отдела. В строке по квартире №47 значились Сергей Павлович Белов и Нина Аркадьевна Белова. Дата регистрации — двенадцать лет назад. Дата снятия — четыре года назад, двадцать третье октября. Основание: личные заявления. Новый адрес не указан. Дарьи в списке не было.

Внизу стояло примечание: «Задолженность отсутствует, помещение освобождено добровольно».

Лев перечитал строку три раза. Беловы существовали. Они жили в сорок седьмой. И по документу сами попросили вычеркнуть их через день после того акта, которого он не помнил.

Он положил телефон на пассажирское сиденье и закрыл глаза.

Перед ним возникла прихожая. Не вчерашняя, с мужскими ботинками и голубыми тапками Нины, а другая — четыре года назад. Серый коврик. Зеркало в деревянной раме. Открытая дверь ванной. Ксения за спиной говорила, что хозяева уже уехали, вещи вывезут вечером. Он торопился на

встречу в банке. В квартире было тихо.

Память предлагала подробности слишком охотно. Лев открыл глаза.

Он не мог утверждать, что видел зеркало. Не мог утверждать, что слышал Ксению именно в прихожей. Мозг мог достроить всё из вчерашней квартиры, старых снимков и её сегодняшнего голоса.

В журнале он написал: «Вспомнились серый коврик, зеркало, слова Ксении. Не считать фактом без внешнего подтверждения».

Под этой строкой: «Документ: Беловы сняты с регистрации 23.10 четыре года назад, основание — личные заявления».

Третья строка далась труднее: «Нужно получить заявления и акт».

Он позвонил сотруднику полиции, чей номер был на талоне. После долгих гудков ответил капитан Лобов.

— Карелин? По вашей квартире уже объяснение взяли. Нарушений пока не установлено.

— Мне прислали архивную выписку. Те люди действительно были зарегистрированы там четыре года назад.

— Вы говорили, что живут сейчас.

— Я видел их сейчас. А выписка подтверждает, что фамилии и адрес не выдуманы.

— Пришлите.

— Там указаны личные заявления о снятии. Можно за-

просить оригиналы?

— Можно многое запросить. Основание какое?

— Они сказали, что их вычеркнули. После показа исчезли. В квартире уничтожили следы проживания.

— Вы видели, что их удерживали?

— Нет.

— Слышали угрозы?

— Нет.

— Родственница обращалась?

— Нет. Она тоже исчезла.

Лобов помолчал.

— У вас есть их телефоны?

— Нет.

— Даты рождения?

— Нет.

— Тогда перешлите выписку и видео. Опросим управляющую. Если люди снялись с регистрации и покинули квартиру, жить где-то ещё им закон не запрещает.

— А если заявления не их?

— Вот когда будет основание так считать, тогда и запросим. Сейчас у вас слова неизвестных людей и повреждённое видео.

— Есть пуговица Нины.

Сказав это, Лев понял, насколько бессмысленно прозвучала фраза.

— Пуговица подтверждает преступление? — спросил Ло-

бов.

— Нет. Подтверждает, что у меня остался предмет из той квартиры.

— Если вы сами его туда не принесли.

— Я снял передачу на видео.

— На повреждённое?

— Не знаю. Проверю.

— Проверьте и пришлите без обработки. Оригинал. Не нарезку.

После разговора Лев не сразу завёл машину. Он достал пакет с пуговицей. Тёмная, перламутровая, с двумя тонкими царапинами крестом. На пакете стояли дата, время и его подпись. Всё это он написал сам уже после выезда из Бережного. Ковтун мог сказать, что Лев принёс пуговицу. Ксения — что он перепутал вечер после таблетки. Полицейский — что предмет ничего не доказывает.

Но Дарья оторвала её у него на глазах.

Лев открыл галерею. Основной файл показа занимал всего девять мегабайт, хотя длился, по данным телефона, двадцать восемь минут. При запуске шли серые квадраты, обрывки звука и зелёная полоса. Иногда возникала кухня: край стола, рука Нины, плечо Сергея. Лиц не было видно дольше доли секунды.

Он перемотал ближе к моменту ухода. Звук восстановился на несколько секунд.

«...если останетесь, скажут, что сами...» — голос Дарьи.

Шорох.

«Возьмите».

На экране появилась её ладонь. Между пальцами что-то блеснуло. Затем изображение рассыпалось.

Лев не касался ползунка. Записал время начала фрагмента на бумаге и включил снова. На этот раз звук оборвался раньше, словно повреждение менялось при каждом чтении.

Он перевёл телефон в режим полёта, выключил автоматическую очистку и поехал в мастерскую восстановления данных, которую знал по сделкам. Она находилась в подвале торгового центра между ремонтом обуви и печатью фотографий.

Мастер по имени Руслан выслушал его, не беря телефон в руки.

— Если нужна экспертиза, я не эксперт, — сказал он. — Я могу сделать копию накопителя и попробовать вытащить файл. Но в суде меня разнесут вопросами о методике.

— Мне сначала нужно понять, что сохранилось.

— Тогда оформляем приёмку, состояние аппарата, серийник, пароль вводите сами. Оригинал не трогаем, работаем с образом, если модель даст снять.

— Телефон уже перезаписывал данные после файла.

— Пользовались?

— Звонил, снимал, получал почту.

— Значит, часть удалённых кусков могла уйти. А мог повредиться контейнер, тогда всё проще. Почему файл такой?

— После попытки загрузить резервную копию.

— Связь оборвалась?

— Приложение зависло. Телефон нагрелся и перезапустился.

Руслан наконец взял аппарат, осмотрел разъём и корпус.

— Вода?

— Нет.

— Падал?

— Нет.

— Вредоносное приложение, удалённый доступ?

— Не знаю.

— Правильный ответ. Оставляйте до вечера. Если хотите непрерывность хранения, могу записать вскрытие пакета и опечатать после копирования. Но вы его уже сто раз открывали.

— Телефон мой, пакет не нужен. Запишите приёмку и не подключайте к сети.

Руслан распечатал квитанцию. Лев поставил подпись и рядом от руки дописал: «Разрешено только создание побитовой копии и диагностическое чтение». Мастер прочитал, усмехнулся и тоже расписался.

— Кино у вас там?

— Показ квартиры.

— Тогда зачем такие похороны?

— На показе были люди. Теперь все говорят, что их не было.

Руслан перестал улыбаться.

— Вечером позвоню.

Без телефона Лев почувствовал себя легче и беспомощнее одновременно. Он купил в киоске дешёвый блокнот, хотя журнал лежал в сумке. На первой странице записал номер мастерской по памяти, потом сверил с квитанцией. Одну цифру перепутал.

Это было обыкновенное несовпадение, какое случалось у любого человека. Но рука сама потянулась к блистеру, которого теперь не было в привычном кармане. Лев сжал пальцы.

Ксения не придумала его мигрени. Не придумала, как он однажды оставил включённую плиту, а в другой раз приехал на встречу на сутки раньше. Ей не требовалось создавать ложь целиком. Достаточно было класть настоящие слабости рядом с каждым новым фактом.

Он вернулся к машине и увидел под дворником сложенный лист.

Это была копия архивной выписки, которую Антон прислал в электронном виде. Та же таблица, те же даты, то же примечание о добровольном освобождении. На обороте шариковой ручкой написали: «Никто не записан. Никого не ищи».

Лев не прикоснулся к листу голой рукой. Достал из багажника одноразовые перчатки из набора для осмотров, сфотографировал бумагу камерой старого рабочего планшета и вместе с дворником снял её в прозрачный файл. Потом огля-

дел стоянку.

Камера висела над входом в аптеку. Вторая смотрела на выезд. Между ними его машина стояла почти целиком, кроме переднего стекла: ветки рябины закрывали верх капота.

Он вошёл в аптеку и попросил сохранить запись.

— Только по запросу полиции, — сказала заведующая.

— Запрос может прийти через несколько дней. Запись не сотрётся?

— Семь суток храним.

Снова семь суток. Столько же, сколько камеры на воротах Бережного.

Лев показал талон и попросил хотя бы зарегистрировать обращение. Заведующая написала на обороте копии чека: «Просил сохранить видео парковки с 12:00 до 14:00», поставила время и подпись.

На улице он позвонил Лобову с планшета через служебную связь. Капитан выслушал, попросил не трогать лист и пообещал прислать экипаж, если будет свободный.

— Это угроза? — спросил он.

— Можно прочитать как угрозу. Можно как совет.

— Вам прямо угрожают насилием?

— Нет.

— Тогда ждите.

Лев ждал сорок минут. Никто не приехал. За это время у аптеки сменились две машины доставки, женщина привязала к решётке рыжую собаку, а дворник смёл мокрые листья

в одну кучу и разворошил её снова ветром.

Он смотрел на пакет с листом и понимал, что тот тоже ничего не доказывает. Распечатать выписку мог Антон, Ксения, сотрудник центра, он сам. Почерк был незнакомым. Отпечатки могли оказаться смазанными. Камера могла не видеть человека у стекла.

И всё же кто-то знал, где он припарковался после запроса. Кто-то принёс сюда бумагу быстрее, чем он вышел из мастерской.

В шестнадцать десять Руслан позвонил на планшет.

— Приезжайте. Телефон не убит, но файл странный.

В мастерской на столе стоял ноутбук, не подключённый к сети. Руслан показал папку с копиями.

— Контейнер повреждён не как при обычном обрыве загрузки. Внутри куски перезаписаны нулями и фрагментами другого видео. Вот ваша проверочная запись после показа — она целая. А большой файл собран так, будто приложение пыталось его пересоздать и не закончило.

— Это мог сделать удалённый доступ?

— Мог. Мог сбой. Могли вы сами нажать восстановление, очистку, экспорт — вариантов много. Я не буду выбирать красивый.

— Что удалось достать?

Руслан включил ролик длиной сорок семь секунд. Изображение дёргалось, звук отставал. Сергей стоял боком у шкафа. Нина застёгивала кардиган. Дарья протягивала руку к

объективу.

На семнадцатой секунде её пальцы коснулись ладони Льва. Между ними была тёмная пуговица с двумя светлыми царапинами.

— Стоп, — сказал Лев.

Руслан остановил кадр.

Лица Дарьи почти не было: только подбородок и прядь волос. Зато пуговица лежала в центре ладони, и крест на ней различался отчётливо.

— Этот фрагмент откуда?

— Из того же повреждённого файла. Я восстановил таблицу кадров по служебным меткам. Но повторяю: для процессуальной проверки нужен специалист с лицензией и исходный образ.

— Образ сохранился?

— Вот накопитель. Опечатал, посчитал контрольную сумму, вписал в акт. Телефон с момента приёмки был в экранированном боксе.

Руслан подал ему три листа. На одном перечислялись действия, на другом — длинная строка цифр и букв, на третьем были кадры с временем.

— Сколько копий ролика?

— Рабочая здесь, одна на новом накопителе, который вы купили, и одна в архиве мастерской на тридцать дней, если подпишете согласие. Облако не использовал.

Лев подписал. Потом достал пакет с пуговицей и положил

рядом с распечатанным кадром, не открывая. Руслан сфотографировал их отдельно и вместе с линейкой.

— Похожа, — сказал он.

— Это она.

— Для меня похожа. Я не видел, откуда вы взяли предмет.

Тот же язык, что у Михаила. Не холодность, а граница между увиденным и желаемым.

Лев убрал телефон, накопитель и бумаги в разные отделения сумки. Снаружи уже темнело. В витрине напротив отражались прохожие, и на миг среди них показалась серая фигура Нины. Он обернулся. У входа стояла незнакомая женщина в длинном пальто и ждала ребёнка из музыкальной школы.

Он не записал это в журнал. Ошибка взгляда не была событием.

У машины пакет под дворником оставался на месте. Экипаж так и не приехал. Лев набрал Лобова ещё раз и сообщил, что уезжает, а лист привезёт в отдел. Капитан не возражал.

Перед тем как сесть за руль, Лев вынул пуговицу и посмотрел сквозь пластик на две царапины. В выписке Беловы были строками, закрытыми четыре года назад. В квартире от них не осталось ни чашки, ни лекарства, ни следа на пыльном полу. На видео они распадалась на квадраты.

Но пуговица не знала, что её владелица выехала по личному заявлению. Она лежала у него на ладони, тяжёлая для своего размера, и совпадала с предметом в повреждённом кадре.

Лев записал последнее за день:

«Документ говорит: Беловы выбыли добровольно. Предмет говорит только: Нина была перед камерой и Дарья передала мне её пуговицу. Не заставлять ни документ, ни предмет говорить больше».

Ниже добавил:

«Кто-то положил выписку на машину. Значит, запрос заметили».

Он закрыл журнал. На парковке зажглись фонари, и мокрые ветви на лобовом стекле стали похожи на трещины.

Теперь у него было подтверждение, что Беловы когда-то существовали, и предупреждение, что сегодня их существование снова пытались свести к бумаге.

Глава 6. Отменённый клиент

Визитки Лев печатал два года назад, когда ушёл из «Чернов Дом» и ещё считал, что новая жизнь отличается от старой названием агентства. Плотный белый картон, чёрные буквы, тонкая медная линия по краю. На обороте он обычно писал код подъезда или сумму задатка.

Утром одна такая визитка лежала в почтовом ящике его офиса.

Лев пришёл раньше секретаря. В коридоре пахло краской: соседняя фирма перекрашивала стену после протечки. Ящик был заперт, следов на замке не видно. Среди счетов и рекламных листовок лежал незапечатанный белый конверт без имени.

Он не стал вскрывать его в коридоре. Включил камеру планшета, снял ящик, замок, конверт с обеих сторон и только потом разрезал край канцелярским ножом.

На лицевой стороне визитки были его имя и номер. На обороте синими чернилами написано: «18:40, парковка. 19:00, сорок семь». Ни подписи, ни даты.

Почерк Лев узнал. Во время первой встречи Яна заполняла анкету покупателя, прижимая ручку слишком сильно. У цифры четыре верхняя перекладина выходила далеко вправо. Но узнавание почерка не было проверкой.

Он положил визитку в файл, записал время находки и по-

звонил владельцу здания. Камера над входом не работала после протечки. Камера в холле смотрела на лифт, а ящики стояли за углом. Ночью дверь открывалась по магнитным ключам, днём — всем подряд.

Секретарь Ольга пришла в половине девятого, увидела планшет на штативе и остановилась у порога.

— Нас ограбили?

— Нет. Когда вчера забирала почту?

— Около шести.

— Этот конверт был?

— Не видела. А что там?

Лев показал через пластик.

— Визитка. Может, клиент оставил.

— Какой?

— Не знаю.

Ольга присмотрелась.

— Это Руднева пишет. Она у меня согласие на обработку данных заполняла.

— Ты уверена?

— У неё все цифры будто сердитые. Я ещё подумала, что ручку продавит.

— Найди анкету, но не вынимай из папки. И никому пока не звони.

Ольга ушла к шкафу. Лев почувствовал знакомое желание сделать из её слов готовое подтверждение. Два человека узнали почерк — значит, писала Яна. Но визитку мог пере-

писать тот, кто видел анкету. Она могла быть старой. Время мог добавить другой человек.

Анкета лежала в папке за прошлую неделю. Ольга переворачивала листы в перчатках, которые Лев ей дал, и ворчала, что офис превращается в криминалистическую лабораторию. На полях Яна собственной рукой записала предпочтительный платёж и время звонка. Четвёрки действительно совпадали, как и длинный хвост у цифры девять.

— Сделай копию всей папки за день её визита, — сказал Лев. — Оригинал убери в сейф. В журнале отметить, кто имел доступ.

— У нас нет журнала доступа.

— Теперь будет.

— Антон опять скажет, что ты сошёл с ума.

— Пусть напишет это своей рукой.

Антон появился через двадцать минут. Не сняв пальто, прошёл в кабинет Льва и закрыл дверь.

— Собственник снял пять объектов, — сказал он. — Ещё по трём приостановил показы. Ты доволен?

— Нет.

— Тогда прекрати звонить Черновой и полиции.

Лев развернул к нему планшет с фотографией визитки.

— Сегодня нашли в ящике.

Антон прочитал надпись.

— И что?

— Яна подтверждает время встречи.

— Яна ничего не подтверждает. Здесь нет имени.

— Почерк похож.

— «Похож» не вернёт нам договоры.

— Ты сохранил журнал курьера?

Антон отвёл взгляд к окну.

— Запросил.

— Ответили?

— В управляющей сказали, что ключи передал собственник напрямую.

— Вчера ты говорил о курьере управляющей.

— Я сказал, что парень был в их куртке. Может, подрядчик.

— Ты расписался?

— На телефоне. Они дают экран, ставишь закорючку.

— На чьём телефоне?

— У курьера.

— Камеры у офиса работают?

— Ты только что выяснил, что нет.

— Значит, журнал у них.

Антон сел, наконец расстегнул пальто.

— Лев, послушай. Я не говорю, что ты никого не видел. Может, там правда жили сквоттеры. Может, родственники прежних хозяев. Но сейчас Ксения предлагает оставить нам три объекта, если ты подпишешь объяснение об ошибке с ключом.

— Какие три?

Антон назвал адреса. Самые дешёвые и самые трудные.

— Это не компромисс, — сказал Лев. — Это повод написать, что мы согласились с её версией.

— Это зарплата Ольги и аренда на два месяца.

— А остальные пять объектов были платой за молчание до сегодняшнего дня?

— Они были работой.

— Тогда почему работа зависит от моего объяснения полиции?

Антон поднялся.

— Потому что клиент не хочет иметь дело с человеком, который обвиняет его без доказательств.

— Я не обвинял собственника. Я сообщил, кого видел.

— Для рынка разницы нет.

Он вышел, хлопнув дверью. Через стеклянную перегородку Лев видел, как Ольга протянула ему новый журнал доступа. Антон посмотрел на графы и расписался.

Лев позвонил Яне с офисного номера. Она не ответила. Отправил короткое сообщение: «Нашёл визитку. Если это от вас, достаточно ответить одним словом: да». Сообщение осталось непрочитанным.

Через час пришёл ответ с неизвестного номера: «Вы ошиблись адресатом».

Лев не стал перезванивать. Номер сохранил рядом с временем ответа.

До обеда он занимался обычными сделками. Проверил

задаток по студии, согласовал фотографа, объяснил пожилой продавщице, почему покупатель просит справку об отсутствии долгов. Каждый разговор казался насмешкой: документы требовали именно затем, чтобы невидимое стало проверяемым, но в сорок седьмой документы использовали, чтобы объявить невидимыми людей.

В половине первого Ольга принесла доставку из кафе.

— Я не заказывал.

— Оплачено. На ваше имя.

В пакете был суп, хлеб и салат. Чек отсутствовал. На контейнере маркером написали: «Не пей таблетку натошак».

Ольга прочла и подняла брови.

— Заботливая поклонница?

— Бывшая жена.

— Точно она?

— Нет.

Лев позвонил в кафе. Заказ оформили с номера, заканчивавшегося на те же две цифры, что личный номер Ксении. Полностью номер сотрудник не назвал. Платёж прошёл с корпоративной карты.

Лев не ел. Не потому, что боялся яда, — эта мысль показалась бы удобной мелодрамой. Еда была способом напомнить: Ксения знает, когда он приходит, что забывает поесть и где держит таблетки. Он отдал пакет Антону, который молча поставил его на общий стол.

В четырнадцать двадцать Яна позвонила сама.

— Вы написали мне, — сказала она.

— Я написал на ваш прежний номер.

— Он мой.

— Тогда почему ответ пришёл с другого?

— Какой ответ?

— «Вы ошиблись адресатом».

Яна замолчала.

— Я ничего не отправляла.

— Визитку тоже не оставляли?

— Какую визитку?

— Мою. На обороте время парковки и показа.

— Я отменила показ в четыре.

Она произнесла фразу ровно, как уже произносила по телефону после осмотра.

— Где вы были в семь?

— Дома.

— С вами кто-то был?

— Муж.

— Он подтвердит?

— Вы меня допрашиваете?

— Нет. Пытаюсь понять, почему мне назначили встречу от вашего имени.

— Я не назначала.

— Кто знает о просрочке мужа?

В трубке стало слышно дыхание.

— Не звоните мне больше.

— Ксения сказала об ипотеке до того, как вы сами упомянули мужа.

— Я ничего не упоминала.

— Сейчас упомянули.

— Удалите мой номер.

— Яна, если вам угрожают кредитом, просто скажите, что не можете говорить.

— Мне никто не угрожает.

Она отключилась.

Лев записал разговор по памяти сразу, не добавляя оценки интонации. Потом проверил карточку клиента. В анкете Яна указала мужа созаёмщиком и разрешила запросить предварительный расчёт ипотеки. Значит, сведения о банке могли быть у агентства, застройщика и посредника. Ксении не требовалось следить за ней, чтобы знать о долге.

На столе лежала визитка. Время 18:40 совпадало с минутой, когда Яна прислала ему сообщение с парковки. То сообщение теперь отображалось как черновик. Если визитка была подлинной, она связывала бумагу с исчезнувшей записью.

В три часа Лев поехал в отдел полиции и передал Лобову накопитель с копией видео, мастерский акт, выписку и пакет с надписью с машины. Визитку оставил у себя, но показал через пластик.

Капитан сравнил её с копией анкеты.

— Похоже, — сказал он.

— Все сегодня говорят «похоже».

— Потому что экспертиза говорит дольше и стоит дороже.
Где нашли?

Лев объяснил.

— Камера есть?

— За углом. Ящик не видит.

— Свидетели?

— Ольга забрала почту вчера в шесть. Утром конверт был.

— То есть положили с шести вечера до восьми утра. Доступ в здание у скольких людей?

— У всех арендаторов и уборки. Днём дверь открыта.

Лобов вернул визитку.

— Пока храните. Рудневу вызовем.

— Если вы позвоните по обычному номеру, она снова всё отменит.

— А как вы предлагаете вызвать? С вертолѐта?

— Проверьте номер, с которого пришѐл ответ. И запросите камеры аптеки до истечения семи суток.

— Запрос подготовили.

— А камеры Бережного?

— Управляющая предоставила фрагмент.

— Какой?

— Въезд вашей машины и выезд. У квартиры камер нет.

— Яна въезжала?

Лобов пролистал бумаги.

— Автомобиль на её имя не зарегистрирован.

— Она была на такси.

— Номер знаете?

— Нет. В приложении должно быть.

— В каком?

Лев не знал. Яна вышла из серой машины, когда он уже стоял у калитки. На крыше не было фонаря, марку он не запомнил.

— Записи ворот покажите, — сказал он.

— Вы не участник производства, чтобы знакомиться со всем материалом. Идите домой. Мы проверяем.

— Беловых нашли?

— По указанному адресу они не зарегистрированы. Запрос по базам отправлен.

— Дарью?

— Полных данных нет.

— Ей двадцать девять, фамилия Белова, племянница Сергея.

— В стране не одна Дарья Белова.

Лобов говорил без насмешки. От этого беспомощность звучала убедительнее.

На выходе из отдела Лев увидел Яну. Она сидела в серой машине через дорогу, на заднем сиденье. За рулём был мужчина в кепке. Яна смотрела прямо перед собой и держала телефон двумя руками.

Лев остановился на ступенях. Машина тронулась прежде, чем он успел спуститься. Номер он увидел, но последнюю цифру закрывала грязь.

Он записал первые символы. Затем вернулся к дежурному и сказал, что возможная свидетельница только что была у отдела.

— Если была, значит, её уже опросили, — ответил дежурный.

— Можно узнать?

— Нельзя.

Вечером Яна снова позвонила. На этот раз с неизвестного номера.

— Я дала объяснение, — сказала она. — Показ отменила. В посёлок не ездила. Вас не видела.

— Понял.

— Нет, не поняли. Больше не произносите моё имя рядом с Черновыми.

— Почему?

— Потому что я не имею к этому отношения.

— Хорошо.

Лев не спрашивал о визитке. Молчание растянулось.

— Вы ведь нашли её? — спросила Яна.

— Что именно?

Она тихо выругалась.

— Не заставляйте меня говорить.

— Тогда не говорите.

— Они позвонили в банк не мужу. Его начальнику. Сказали, что служба безопасности проверяет ложные сведения в заявке. Если на работе решат, что он подделал справку о

доходах, его уволят раньше, чем банк что-нибудь выяснит.

— Кто позвонил?

— Не знаю.

— Что от вас потребовали?

— Ничего. Просто спросили, уверена ли я, что была в Бережном.

— Кто спросил?

— Женщина из отдела сопровождения.

— Имя?

— Я не запомнила.

Лев услышал, как на её стороне хлопнула дверь автомобиля.

— Вы сейчас в машине?

— Это неважно.

— Водитель вас слышит?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

— На визитке ваш почерк?

— Я отменила показ в четыре.

— Я не прошу повторять объяснение. Скажите только, откуда у вас была моя визитка.

— Вы дали её в офисе.

— Когда написали время?

— Не помню.

— До поездки или после?

— Я никуда не ездила.

Голос Яны сорвался на последнем слове. Затем она заговорила тише:

— На парковке вы сказали: если квартира занята, мы сразу уйдём. Вы это помните?

— Помню.

— А я не должна.

Лев сел на край стола.

— Почему выбрали меня?

— Объявление прислала девушка. Сказала, другие агенты не задают вопросов.

— Дарья?

— Она не назвалась. Я увидела её уже в квартире.

— Как получила ваш номер?

— Написала с пустого профиля. Потом профиль исчез.

— Сохранились уведомления?

— Нет.

— Визитку в ящик положили вы?

Яна не ответила.

— Яна?

— Если я скажу «да», вы отдадите её полиции.

— Я уже показал.

Она втянула воздух.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

— Чтобы не приписать вам то, чего вы не делали.

— Я положила конверт вчера в семь вечера. Дверь была открыта, в коридоре никого. Время написала перед показом,

когда ждала машину. Это всё.

— Вы готовы повторить Лобову?

— Нет.

— Он может проверить камеры у офиса.

— Пусть проверяет. Меня там не видно.

— Почему?

— Потому что я вошла через двор.

Лев посмотрел на план здания, висевший возле двери. Со двора была лестница к служебному входу соседней фирмы. Замок там часто подпирали кирпичом во время ремонта.

— Сохраните исходную переписку с пустым профилем, если что-то осталось в резервной копии.

— Я всё удалила.

— Тогда чек поездки.

— Оплачивала наличными.

— Почему?

— Девушка попросила. Сказала, электронный след увидят раньше, чем мы войдём.

— Она знала, что за ней следят?

— Она знала про камеры. И про вашего бывшего тестя.

В машине рядом с Яной кто-то кашлянул.

— Мне пора, — сказала она.

— Кто вас везёт?

— Муж.

— Он знает?

— Только то, что из-за вас могут забрать нашу квартиру.

Связь оборвалась.

Лев остался в тёмном офисе. Ольга ушла, Антон забрал еду и закрыл переговорную. За стеклом коридора рабочий снимал малярную ленту со свежей стены.

Лев записал разговор дословно, насколько мог. В отдельной графе отметил: «Не записан технически. Подтвердить можно деталями: служебный вход, время закладки конверта, слова на парковке. Яна от официального подтверждения отказывается».

Он мог сейчас позвонить Лобову и передать признание. Это было бы правильно для проверки и опасно для Яны: официальный звонок снова попадёт к тем, кто уже добрался до работодателя её мужа. В то же время молчание оставляло визитку одиноким куском картона.

Лев сфотографировал служебный вход, кирпич у двери и свежие следы обуви на лестнице. Затем написал капитану только проверяемое: «Автор визитки сообщил время помещения конверта — вчера, 19:00, вход со двора. Просьба срочно сохранить камеры соседних зданий». Имя не указал. Лобов ответил: «Принято. Источник установим отдельно».

Визитку Лев переложил в новый прозрачный пакет и запечатал. На обороте пакета написал не «доказательство показа», а «получено в почтовом ящике». Ниже — дату и время.

В этом и заключалась разница, которую Ксения постоянно пыталась стереть. Яна могла публично лгать и всё же оста-

вить правдивую вещь. Лев мог помнить встречу и ошибаться в деталях. Выписка могла быть подлинной и не объяснять, куда ушли люди.

Он выключил свет и увидел своё отражение в стеклянной перегородке. За спиной белел сейф с анкетой Яны. В сумке лежала визитка с двумя временами. В телефоне не осталось её признания.

Но теперь Лев знал: она отменила не встречу. Она отменила себя как свидетеля.

Глава 7. Посёлок одной фамилии

На схеме у въезда Бережный выглядел как маленький город: шесть жилых корпусов, магазин, медицинский кабинет, детская комната, котельная, диспетчерская, служебная стоянка. Названия у всего были разные. «Тихий двор» убирал снег, «Северный ключ» обслуживал воду, «Ладога-мед» принимала по вторникам и четвергам, микроавтобус до станции ходил под вывеской «Бережный путь».

Лев сфотографировал схему и сел в машину. В телефоне он открыл выписки, которые Ольга собрала из открытых реестров. Учредители менялись, доли переходили от одного общества к другому, адреса регистрации не совпадали. Но в каждом втором названии встречалась фамилия Чернов или домашний адрес родителей Ксении. Там, где фамилии не было, был один и тот же бухгалтер. Там, где не было бухгалтера, совпадал номер телефона при приёме заявок.

Четыре года назад Лев называл это удобством для покупателей.

Один номер — и тебе пришлют сантехника, оформят пропуск няне, примут доставку, запишут ребёнка в кружок. Он водил клиентов по посёлку и говорил: здесь не нужно выяснять, кто за что отвечает. Теперь эта фраза читалась иначе. Здесь действительно не нужно было выяснять. За всё отвечали одни люди.

Михаил позвонил в девять десять.

— Мать оставил с сиделкой до двух, — сказал он. — Что успеваем?

— Ты ничего не успеваешь. Езжай по своим объектам.

— По каким? Два заказчика уже попросили перенести проверки. Один прямо сказал, что не хочет ссориться с «Чернов Дом».

— Поэтому и не приезжай.

— Лёва, если меня выдавят из трёх посёлков, я не спасу один, делая вид, что мы незнакомы.

— Твоя мать не должна оплачивать моё расследование.

— Она оплачивает моё упрямство сорок два года. К полудню буду.

Он отключился прежде, чем Лев ответил.

Лев положил телефон экраном вниз. В журнале на пассажирском сиденье была новая страница. Сверху он написал: «Кто мог видеть Беловых после официального выезда». Ниже — не имена, а места: магазин, медицинский кабинет, автобус, ремонтная служба, охрана, уборка.

Охрана уже отказалась. Значит, начать следовало не с неё.

В магазине пахло кофе из автомата и мокрым картоном. За кассой сидела Галина Викторовна, которую Лев помнил ещё по отделу продаж. Тогда она торговала в вагончике у стройки и знала, кто из рабочих уносит цемент, кто разводится, а кто тайком ночует в непринятой квартире. Теперь у неё был чистый зал, электронные ценники и фартук с над-

писью «Домовая лавка».

Она узнала Льва сразу.

— За хлебом или за правдой? — спросила она.

— Хлеб возьму в любом случае.

— Тогда за правдой не обслуживаем.

Лев положил на прилавок батон и пачку чая. В зале никого не было, но Галина Викторовна посмотрела на тёмный круг камеры под потолком.

— Нина Белова покупала у вас лекарства или продукты после своего выезда?

— Лекарствами аптека торгует.

— Здесь есть безрецептурные таблетки, пластыри, тест-полоски.

— Много чего есть.

— Вы знали Нину в лицо.

— Я половину посёлка знаю.

Она пробила хлеб, затем чай. Руки у неё двигались быстро, но чек не печатался. Галина Викторовна открыла крышку кассы, поправила ленту.

— Четыре года назад Беловы выехали, — сказала она достаточно громко для камеры. — После этого я их не видела.

— А тетрадь заказов у вас сохранилась?

Крышка кассы захлопнулась.

Раньше магазин принимал заказы по телефону и записывал их в толстую тетрадь: номер квартиры, перечень продуктов, сумма. Курьер развозил пакеты по вечерам. Пожилым

позволяли платить раз в неделю. Лев сам пользовался этим, когда жил с Ксенией.

— Теперь всё в приложении, — сказала Галина Викторовна.

— Четыре года назад было в тетради.

— Старую бумагу выбрасываем.

— Кто забирал продукты для сорок седьмой?

Она сунула покупки в пакет и назвала сумму. Лев приложил карту.

— Мне не нужно, чтобы вы рассказывали чужую жизнь. Только подтвердили собственную запись.

— А мне не нужно, чтобы завтра у меня отключился терминал и поставщик не пустил машину через ворота.

Это было первое честное предложение за весь разговор. Галина Викторовна сразу пожалела о нём. Отвернулась к полке с сигаретами и стала выравнивать пачки.

— Магазин ваш? — спросил Лев.

— Мой.

— Помещение?

— В аренде.

— У кого?

— В чеке написано.

В чеке значилось общество «Бережный сервис». Директором общества был двоюродный брат Ксении.

— Если полиция запросит тетради, — сказал Лев, — не выбрасывайте их сейчас.

Галина Викторовна резко повернулась.

— Ты пришёл предупредить или угрожать?

— Предупредить. Если они существуют, их могут попросить уничтожить.

— А если не существуют?

— Тогда нечего уничтожать.

Она достала из-под прилавка сдачу, хотя Лев платил картой, пересчитала монеты и снова убрала. На камеру больше не смотрела.

— После шести курьерские пакеты ставят у служебной двери, — сказала она. — Камера туда не достаёт. Забирают по коду заказа, фамилию не спрашивают. И это всё, что я могу сказать.

— Кто вводит код?

— Покупатель или тот, кому он его дал.

— Для сорок седьмой заказы были?

— Я сказала всё.

Лев взял пакет. На улице развернул чек и записал точные слова, не превращая их в подтверждение. Галина Викторовна не видела Беловых. Она подтвердила только способ получить продукты без личной встречи и назвала свою цену молчания: помещение и поставки.

Медицинский кабинет находился в первом корпусе рядом с детской комнатой. На двери висело расписание фельдшера Ирины Шалиной и объявление: запись жителей проводится через диспетчерскую управляющей компании. Лев нажал

ручку. Заперто.

Из детской комнаты вышла молодая женщина в бахилах, держа за руку мальчика лет пяти. Увидев Льва, она задержалась.

— Кабинет по четвергам после обеда, — сказала она.

— Мне не на приём. Вы здесь живёте?

— А что?

— Ищу Нину Белову. Раньше жила в сорок седьмой.

Женщина сильнее сжала руку ребёнка.

— Не знаю такую.

Мальчик потянулся к стеклянной двери медицинского кабинета.

— Мам, а тётя Нина, которая конфеты давала?

Женщина побледнела не от страха — от злости на случайность.

— Это другая тётя Нина.

Она наклонилась, застегнула сыну куртку и быстро повела к выходу. Лев не пошёл следом. В детской комнате осталась воспитательница, полная женщина с короткими волосами. Она собирала кубики в пластиковый ящик и делала вид, что не слышала разговора.

— Ребёнок мог перепутать, — сказал Лев.

— Конечно.

— А вы?

— Я на работе.

— Как вас зовут?

— Зачем?

— Чтобы не записать вас как безымянного свидетеля.
Женщина выпрямилась.

— Не записывайте меня вообще.

На стене за ней висели фотографии с праздника двора. Дети рисовали дом, сажали рябину, держали бумажные фонари. В первом ряду стояла Ксения с лопатой. На другой фотографии она вручала воспитательнице конверт и грамоту.

— Зарплату платит управляющая? — спросил Лев.

— Родители платят.

— Через управляющую.

— Через кассу клуба.

— Клуб арендует помещение у «Бережного сервиса».

Воспитательница швырнула последний кубик в ящик.

— Вы хотите, чтобы я лишилась комнаты? Здесь двадцать восемь детей по очереди. В муниципальный сад некоторые третий год попасть не могут. Закроют нас — вы им место найдёте?

— Нет.

— Тогда не ходите и не спрашивайте, кому дети махали во дворе.

— Они махали Нине?

— Я этого не говорила.

— Не говорили.

Лев записал её точные слова уже в машине. Если бы он хотел красивой истории, получилось бы: ребёнок опознал Ни-

ну, воспитательница подтвердила. Но ребёнок мог знать другую женщину, а воспитательница не подтвердила ничего. Её цена была не личной. За её молчанием стояли двадцать восемь семей, и потому оно казалось ей не трусостью, а обязанностью.

У служебной стоянки он увидел белый микроавтобус «Бережного пути». Водитель курил у открытого капота. Льва он узнал позже, чем остальные, — только когда тот назвал фамилию.

— Карелин? Который с хозяйской дочкой жил?

— Жил.

— Тогда чего вам пропуск не открывают?

— Теперь не живу.

Водитель рассмеялся и спрятал сигарету в банку из-под кофе. Его звали Павел. На ветровом стекле лежал маршрутный лист: станция, поликлиника, рынок, Бережный. Поездки для жителей включали в ежемесячный платёж, но записываться нужно было у диспетчера.

— Нину Белову возили в поликлинику? — спросил Лев.

Павел перестал улыбаться.

— Я фамилии не проверяю.

— Женщина около шестидесяти, невысокая, седая. Жила в сорок седьмой.

— Много таких.

— У неё суставы болят. Ходит медленно, правую ногу ставит боком.

Лев помнил, как Нина шла к технической двери. Тогда он решил, что она споткнулась о ковёр. Сейчас движение вернулось целиком: правая ступня наружу, ладонь на стене, короткая остановка перед порогом.

Павел опустил капот.

— Может, возил. Может, нет. Четыре года — срок.

— Маршрутные листы хранятся?

— Месяц.

— Запись по фамилии?

— У диспетчера.

— А вы получаете список?

— На день. Потом сдаю.

— Кому?

Павел кивнул на технический дом.

— Если я покажу фотографию, узнаете?

— Не надо.

Лев всё же достал телефон, но экран не включил.

— Почему?

— Потому что мне кредит ещё два года платить.

— Автобус принадлежит фирме?

— Автобус принадлежит банку. Работа принадлежит фирме. Мне принадлежит только долг.

Павел открыл водительскую дверь.

— И дочка у вас здесь живёт, — сказал Лев, заметив на панели детский рисунок с номером третьего корпуса.

— Бывшая жена с дочкой. Квартиру она получила по слу-

жебной скидке. Если меня уволят, скидку пересчитают. Теперь достаточно причин?

— Достаточно.

— Тогда забудьте, что подходили.

— Не забуду. Но ваше имя никому не назову без согласия.

Павел задержался на подножке.

— Списки не месяц хранят, — сказал он, глядя в салон. — Месяц у водителя. В диспетчерской дольше, потому что по ним считают льготные поездки. Только там номер квартиры, не фамилия.

— Сорок седьмая ездила?

— Я ничего не помню.

Дверь закрылась. Микроавтобус отъехал к воротам.

К одиннадцати у Льва было три разговора и ни одного показания. Каждый человек сообщал ровно столько, чтобы собственное молчание не казалось ему соучастием. Магазин мог передавать пакеты без имени. Дети могли видеть Нину. В диспетчерской могли храниться списки поездок по номеру квартиры. Из этих «могли» нельзя было построить заявление. Зато стало понятно, почему просьба просто рассказать правду здесь звучала как требование отдать ключи, работу или место ребёнка.

Михаил приехал на старом фургоне без фирменных наклеек. Обычно на дверях был его номер и красная надпись «Пожарная автоматика». Теперь остались светлые прямоугольники на выцветшей краске.

— Снял? — спросил Лев.

— Сами отклеились.

— Вчера держались.

— Значит, ночь была тяжёлая.

Михаил достал из кузова папку и термос.

— Мне позвонили из Северной рощи. Там тоже Черновы обслуживают часть домов. Сказали, конкурс на следующий год отменён, продлят старого подрядчика.

— Тебя?

— Другого старого подрядчика. Который появился сегодня утром.

Он налил чай в металлическую кружку. Руки у него дрожали от холода или бессонной ночи.

— Сиделка сколько стоит? — спросил Лев.

— Не начинай.

— Сколько?

— Три тысячи за день. Плюс такси, если задержу.

— Я переведу.

— Тогда я уеду. Мне нужен товарищ, а не заказчик.

Лев закрыл банковское приложение.

— Что в папке?

— Копии заявок за последние два года. Свои я храню пять лет. Когда инженера зовут проверить датчик, ему часто пишут, кто не открыл дверь и у кого лежащий больной. Это нужно, чтобы второй раз приехать не зря.

Они сели в фургон. Михаил положил папку между ними

и надел очки. В заявках значились корпуса, квартиры и фамилии заявителей. По сорок седьмой было две записи: «доступ через управляющую» и «жилое помещение освобождено, проверка из общего коридора». Обе подписал диспетчер. Фамилия Беловых не встречалась.

— Это подтверждает их версию, — сказал Лев.

— Это подтверждает, что меня внутрь не пустили.

— Почему ты согласился проверить из коридора?

— Потому что датчик в квартире якобы сняли после освобождения. В общем коридоре стоял другой, я его и проверил. Вот фото.

На распечатке был потолок перед дверью №47. Дата — два года назад. Дверь выглядела так же, как в ночь показа, только коврика не было.

— Посмотри на нижний угол, — сказал Михаил.

Из-под двери выходила тонкая полоска ткани.

— Тряпка?

— Или край половика. Тогда не обратил внимания.

— Этого недостаточно.

— Знаю.

Михаил перелистнул страницу. В заявке было указано: «Жалоба жильца сверху на запах приготовления пищи через вентиляционный стояк». Номер квартиры заявителя закрашен копировальной машиной, но Михаил поднял оригинал к стеклу. Под чёрной полосой проступали две цифры.

— Пятьдесят один, — прочитал Лев.

— Над сорок седьмой.

— Кто там живёт?

— Узнаем.

— Нет. Сначала решим, что мы можем просить у человека. У нас уже трое, которых легко оставить без заработка.

— А нас легко оставить без времени.

— Это не делает их расходным материалом.

Михаил снял очки.

— Красиво говоришь. Когда сам водил покупателей, тоже спрашивал у продавцов, кого можно оставить без времени?

Лев посмотрел на заявку. В углу стояла дата — через два года после официального выезда Беловых.

— Нет, — сказал он. — Поэтому теперь и спрашиваю.

В пятьдесят первой жила Раиса Павловна, вдова железнодорожника. Она открыла после третьего звонка, не снимая цепочку. Из квартиры пахло жареным луком. Узнав Михаила, впустила обоих, но дверь оставила открытой.

— Если про датчик, он опять пищит ночью, — сказала она.

— Про старую заявку, — ответил Михаил. — Вы жаловались на запах еды из вентиляции.

— Каждый жалуется. Вытяжку сделали как попало.

— Указывали, что пахнет из сорок седьмой.

Раиса Павловна поставила на плиту чайник.

— Не помню.

— Это было два года назад, — сказал Лев. — После офи-

циального освобождения квартиры.

— Значит, ошиблась номером.

— Вы видели, кто там жил?

Она достала три чашки, затем одну вернула в шкаф.

— Вас двое.

— Видели Нину Белову?

— Нина уехала.

— Когда?

— Давно.

— Кто вам сказал?

— Все знали.

Чайник ещё не закипел, но Раиса Павловна выключила его.

— Мне пересчитали плату за отопление, — сказала она.

— Михаил знает. У меня угловая квартира, зимой было пятнадцать градусов. Три месяца ходила, пока Ксения Сергеевна не распорядилась сделать скидку. Если решат, что скидка ошибочная, я пенсию отдам за долг.

— Скидка оформлена решением комиссии, — сказал Михаил. — Её не могут отменить за разговор.

Раиса Павловна посмотрела на него почти с жалостью.

— Ты умный мужчина. Тебе потому и трудно. Бумагу отменять не надо. Надо в январе два дня не прислать слесаря. Я потом сама попрошу прощения за любой разговор.

Лев убрал журнал в карман.

— Мы не будем спрашивать о Беловых.

— Уже спросили.

— Тогда спросим о вашей заявке. Вы сами её подавали?

— Сама.

— Запах был из вентиляции?

— Был.

— Вы знали, из какой квартиры?

— Нет. Диспетчер записала сорок седьмую, потому что так решила.

Это звучало как спасительная поправка. Лев не спорил.

— У вас сохранилась копия обращения?

— Зачем бы?

Раиса Павловна проводила их до двери. Когда Михаил уже вышел, она удержала Льва за рукав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.